

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕСПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ НИЗАМИ**

На правах рукописи

УДК (482:494.375)

ЮСУБАЛИЕВА ЗАРИНА ХАМРАЕВНА

**«СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ИМЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ»**

5A111301- Родной язык и литература (русский язык и литература)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистра

«Рекомендовано к защите»

Начальник отдела магистратуры

к.и.н. доцент М.Х.Эсанов_____

«_____» _____

Зав. кафедрой

“Русского языкознания”

к.ф.н. О.Ж.Латипов

_____

Научный руководитель:

д.ф.н., профессор

А.С. Пардаев

_____

Ташкент 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. Проблемы описания фразеологического яруса в русском и узбекском языкознании	12
1. Проблематика и методика сопоставительной фразеологии	12
2. Разновидности фразеологических единиц и их классификации.....	20
Выводы по главе 1.....	35
Глава II. Именные фразеологизмы в русском и узбекском языках	37
1. Основные черты типологического контраста морфологических систем русского и узбекского языков	37
2. Специфика частеречной классификации фразеологизмов в русском и узбекском языках.....	45
3. Структурные типы именных фразеологизмов в русском и узбекском языках	52
4. Семантические разряды именных фразеологизмов русского и узбекского языков.....	54
5. Специфика внутренней формы именных фразеологизмов русского и узбекского языков.....	57
Выводы по главе 2.....	69
Глава III. Методика преподавания эквивалентности паремий русского и узбекского языков	73
1. Критерии эквивалентности паремий.....	73
2. Уровень знаний и умений студентов 1 курса по сопоставительной фразеологии «Эквивалентность паремий русского и узбекского языков» (констатирующий эксперимент).....	80
Выводы по главе 3.....	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	90
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	94

ВВЕДЕНИЕ

Обоснование темы и актуальность исследования. Труды Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова о культуре, духовности, обновлении нашего общества, Закон об образовании, Национальная программа по подготовке кадров способствуют всестороннему развитию всех отраслей знаний, в том числе и гуманитарных. И.А. Каримов ставит задачу формирования «духовно богатой и нравственно цельной, гармонично развитой личности, обладающей независимым мировоззрением и самостоятельным мышлением, опирающейся на бесценное наследие наших предков и общечеловеческие ценности»¹. В решении этой задачи большую роль играют гуманитарные науки, том числе и лингвистика.

Как известно, язык является важнейшим хранилищем духовных ценностей национальной культуры. «Передача культуры от поколения к поколению представляет собой механизм, в котором именно слово, будучи носителем общественного сознания, оказывается памятью культуры»². Однако вышесказанное относится не только к слову как таковому, слову как единице лексической системы, но и – возможно, в большей степени – к фразеологической единице.

В современной лингвистике фразеология выделяется многими лингвистами как самостоятельный языковой ярус, уходящий корнями в глубокую древность и наиболее явно, ярко и образно отражающий культуру и менталитет, духовные и нравственные ценности, а также быт и социальную организацию данного этноса, что подтверждается исследованиями в области сравнительной фразеологии и паремиологии.

---

¹ Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа // Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. – Ташкент: Ўзбекистон, 2000. – Т. 8. – С. 332

² Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – С. 95.

Фразеология более ярко, чем лексика, отражает своеобразие языковых картин мира этнических языков.

В то же время в грамматическом оформлении фразеологизмов в полной мере отражается типологическая характеристика данного языка и прежде всего – особенности его грамматической системы.

Несмотря на огромное количество работ по всем аспектам фразеологии в зарубежной литературе и в лингвистике Узбекистана, в данной лингвистической отрасли содержится немало нерешенных проблем, связанных с границами фразеологии (по линии соотношения фразеологии и паремиологии, а также разграничения свободных и фразеологически связанных сочетаний), критериями выделения фразеологической единицы, о разных типах классификации фразеологических единиц и соотношении этих классификаций, о варьировании фразеологических единиц, о соотношении семантики фразеологических единиц с их структурным представлением.

Несомненно, что семантическая система каждого языка отражает специфическую концептуализацию объективной действительности и субъективного мира его носителей. В работах современных лингвистов прослеживаются две тенденции: решительное исключение паремий из фразеологии¹ и более «мягкий» подход, расширяющий границы фразеологии: к фразеологии в широком смысле слова относятся и целые устойчивые выражения (пословицы и «крылатые слова»). Признание фразеологии отдельным языковым ярусом отражается в ее описании, в выделении ее представления в особый раздел, а не раздел лексикологии². В данной диссертации принимается второй, более широкий подход.

Паремиологию, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать достаточно широко, как «внешний ореол» фразеологии, включающий не

---

¹ Фразеологический словарь / Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Астрель, 2000. – С. 15.

² Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 230 с.; Рахманова, Суздальцева, с. 127-141

только пословицы и поговорки, но и афоризмы и «крылатые слова».

Паремиология, как и фразеология в целом, у каждого этноса складывается в течение веков и отражает историю, культуру, быт, специфику морально-этических норм, а также влияние наиболее авторитетных ученых, философов, писателей, политических деятелей.

Термин «концепт» (как и его дериваты «концептуализация», «ключевой концепт», «концептосфера», «концептуальный метод», «концептуальный анализ»), является чрезвычайно частотным в современной лингвистике, однако само его содержание составляет предмет дискуссий. В качестве рабочей дефиниции концепта считаем возможным взять формулировку Р.М. Фрумкиной: концепт – это вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры.

Наряду с общетеоретическими разработками категории концепта, исследователи делают попытки представить конкретные описания тех или иных концептов. Рассматриваются концепты лексические, фразеологические, синтаксические. Однако, с нашей точки зрения, такое распределение концептов по языковым ярусам (уровням) нецелесообразно: концепт «пронизывает» языковые ярусы, находя на каждом из них специфическое выражение.

Таким образом, **актуальность** данного исследования определяется активизацией интереса к изучению фразеологии как важной составляющей языковых картин мира, изучения фразеологии в когнитивном и прагматическом аспектах. Однако следует отметить, что не потеряли своей **актуальности** исследования частеречного аспекта организации фразеологических систем в языках различных языковых семей и типов и анализа их структурного представления, что важно как в теоретическом аспекте, так и в методике преподавания. В частности, представляется **актуальным** выявление соотношения структуры и семантики именных фразеологизмов узбекского и русского языков и определения методики их введения в учебный процесс.

Краткий анализ литературы по теме исследования.

Сопоставительное направление представлено как в традиционной, так и в новейшей фразеологии, что отражено в работах В.М. Мокиенко, Ш. Рахматуллаева, М. Абдурахимова, М.А. Садыковой, Б.Т. Хайитова, Т.А. Бушуй, А.Д. Райхштейн, Т. Абаскулиева, П.У. Бакирова, Б.А. Каримовой, А.К. Мырзашовой и др.¹. В ряде работ последних десятилетий представлено изучение языковых картин мира этнических языков и когнитивных аспектов фразеологии².

Из теоретических и лексикографических работ девяностых годов XX века в Узбекистане необходимо отметить работы Ш. Рахматуллаева, А.Э. Маматова, Э. Умарова и др.³.

---

¹ Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Просвещение, 1989. – 207 с.; Садыкова 1972; Абаскулиев Т. Английские пословицы и их азербайджанские и русские эквиваленты. – Баку: Элм, 1981. – 211 с.; Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецких и русских фразеологизмов. – М.: Высшая школа, 1980.; Бакиров П.У. Семантика и структура номинацентрических пословиц (на материале русского, узбекского и казахского языков). – Ташкент: Фан, 2006. – 297 с.; Каримова Б.А. Паремийная единица в словарном ракурсе (на материале толковых словарей русского и английского языков): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ташкент, 2003. – 21 с.; Мырзашова А.К. Глагольные фразеологизмы мыслительной деятельности в казахском и русском языках.: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Алматы, 2000. – 27 с.; Бушуй Т.А. Фразеологизирование в контрастивном лексическом словаре методом гнездообразования // Филологические науки. – Тамбов: Грамота, 2010. - № 2 (6). – С. 25-28.

²Абиходжаева У.С. Национально-прагматический аспект при переводе фразеологических единиц: Автореф. дисс... канд. филолог. наук – Ташкент, 2002. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М. 1996; Хайрулина Р.Х. Картина мира во фразеологии: Автореф. дисс... докт. филолог. наук – М., 1997; Халикова М.К. Фразеология как форма отражения национального менталитета в языковой картине мира (на материале русского и узбекского языков): Автореф. дисс... канд. филол. наук – Ташкент, 1999; Абрамова Г.И. Семантика компаративных фразеологических единиц как элемент национально-культурной специфики (на примере русского, казахского и английского языков): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 2004; Василенко А. П.Аспекты семантики фразеологизмов(на материале русского и французского языков). Автореф. дисс... докт. филолог. Орел, 2011.

³ Ш. Рахматуллаев. Ўзбек тилининг фразеологик луғати. – Тошкент: Комус Бош тахририяти, 1992; Рахматуллаев Ш. Толковый фразеологический словарь узбекского языка. Ташкент, 1995; А.Э. Маматов. Проблемы лексической и фразеологической нормы в современном узбекском языке. – Ташкент, 1991; А.Э. Маматов. Функциональные методологические особенности фразеологических единиц в современном узбекском языке. – Ташкент, 1993; А.Э. Маматов. Теоретические основы

В диссертации Хайитова Б.Т. «Фразеологические единицы русского языка в двуязычном словаре» на материале русского и узбекского языков анализируются толковые, фразеологические и двуязычные словари, проблемы отбора ФЕ, способы адекватного описания ФЕ в словарях, разрабатываются рекомендации по репрезентации ФЕ в двуязычных словарях ¹.

Однако сопоставительное изучение фразеологии в аспекте соотношения структуры и семантики фразеологических единиц, специфики их внутренней формы, особенно по отношению к языкам разных семей, разработано явно недостаточно. Грамматическому аспекту фразеологизмов, тесно связанному с контрастивно-типологическими исследованиями, в современной фразеологической науке уделяется явно недостаточное внимание.

Цель данного диссертационного исследования – выявление изоморфизма и алломорфизма (степени эквивалентности) именных фразеологизмов узбекского и русского языков в аспекте соотношения их структуры и семантики.

Задачи исследования:

- описания частеречной организации фразеологических единиц в русском и узбекском языках;
- описание структуры и семантики субстантивных фразеологизмов в русском и узбекском языках;
- описание структуры и семантики адъективных фразеологизмов в русском языке;
- исследование внутренней формы именных фразеологизмов русского и узбекского языков;

формирования фразеологизмов. – Ташкент, 1997; А.Э. Маматов. Фразеологическое формирование в узбекском языке. – Ташкент, 1999; Э. Умаров. Лексико-грамматическая характеристика фразеологизмов узбекского языка. – Ташкент, 1993.

¹ Хайитов Б.Т. Фразеологические единицы русского языка в двуязычном словаре (нормативно-стилистический аспект): Автореф. дисс... канд. филол. наук – М., 1987. – 26 с.

- разработка методики введения именных фразеологизмов русского и узбекского языков в учебный процесс.

Объектом исследования являются именные фразеологизмы русского и узбекского языков.

Предмет исследования – В семантическом плане предмет исследования ограничен фразеологическими единицами, относящимися к семантическому полю «человек»: биологические и социальные качества человека, его деятельность, семья и т.д.

Методы исследования. В работе применяются:

- 1) традиционный описательный метод, заключающийся в отборе и представлении материала исследования;
- 2) метод синхронно-сопоставительного анализа;
- 3) аппликативный метод, заключающийся в сопоставлении фразеологизма со свободным словосочетанием или предложением.

Рабочая гипотеза диссертации. Фразеологический ярус в узбекском и русском языках отражает как общечеловеческие ценности, так и сложившуюся в течение веков своеобразную языковую картину мира. Именные фразеологизмы являются существенной частью этнических языковых картин мира, однако их структурно-семантическая организация отражает не только специфику языковой картины мира, но и особенности частеречной организации и грамматической системы, особенно по отношению к разносистемным языкам.

Методика введения именных фразеологизмов при обучении русскому и узбекскому языку в школьном и вузовском образовании во многом определяется спецификой структуры и семантики именных фразеологизмов в сопоставляемых языках.

Грамматические особенности фразеологизмов в каждом этническом языке играют существенную роль в передаче семантики и национального своеобразия фразеологических единиц.

Семантическая классификация именных фразеологических единиц русского и узбекского языков в целом совпадает по самым основным рубрикам, связанным с характеристикой человека, однако узбекские и русские фразеологизмы, как правило, существенно различаются по представлению внутренней формы фразеологизма.

Внутренняя форма фразеологизмов близкой тематики крайне редко совпадает в разносистемных языках, в том числе в узбекском и русском.

Теоретическая значимость. Определенную теоретическую значимость имеет определение соотношения именных, глагольных и наречных фразеологизмов в частеречной системе русского и узбекского языков. Теоретически значимо выявление изоморфизма и алломорфизма в организации именных фразеологизмов в русском и узбекском языках.

Работа имеет перспективы для дальнейшего более углубленного изучения частеречной организации фразеологизмов в разносистемных языках.

Практическая значимость результатов исследования связана со следующими направлениями:

1. Дисциплины «Морфология русского языка», «Морфология узбекского языка», «Лексикология русского языка», «Лексикология узбекского языка» бакалавриата (разработка практических занятий, контрольных работ, тестовых заданий).

2. Дисциплины специализации магистратуры (фразеология, лексикология, семантика).

3. Разработка методики введения именных фразеологизмов русского и узбекского языков в учебный процесс бакалавриата филологического направления.

4. Составление учебного словаря «Именные фразеологизмы русского и узбекского языков».

Научная новизна.

1. Предпринимается системное сопоставительное описание именных фразеологизмов русского и узбекского языков в аспекте семантики, грамматического оформления и специфики внутренней формы.

2. Выявляется специфика частеречной организации именных фразеологизмов русского и узбекского языков.

3. К исследованию привлекаются новейшие толковые и фразеологические словари русского и узбекского языков.

4. Разрабатывается методика введения именных фразеологизмов в учебный процесс бакалавриата.

Основными источниками исследования послужили:

1. Аликулов Т. Русско-узбекский словарь. – Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. – 303 с.

2. Абдурахимов М. Узбекско-русский словарь афоризмов. – Ташкент: Укитувчи, 1986. – 216 с.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка /около 57000 слов/, изд. 18, стереотипное – М.: Русский язык, 1990. – 797с.

4. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг фразеологик луғати. – Тошкент: Комус Бош тахририяти, 1992. – 380 с.

5. Садыкова М.А. Русско-узбекский фразеологический словарь. – Ташкент: Фан, 1972. – 192 с.

6. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 80000 дан ортиқ Сўз ва сўз бирикмаси / Тахрир хайъати: Э. Бегматов, А. Мадвалиев, Н. Махкамов... – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедия, 2006-2008. – 1 қисм – 608 б. 2 қисм – 672 б. 3 қисм – 688 б. 4 қисм – 608 б. 5 қисм – 592 с.

7. Фразеологический словарь / Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Астрель, 2000. – 512 с.

В качестве источников используются также периодика и разговорная речь.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, приложения (списка фразеологических единиц семантического поля «человек» русского и узбекского языков, эквивалентных по смыслу), и глоссария.

Первая глава диссертации является реферативной, вторая – собственно исследовательской, третья – методической.

Список публикаций по теме диссертации

1. Юсубалиева З. О некоторых аспектах сопоставительной фразеологии. // Тафакур сарчашмалари. Магистрантларнинг илмий-методик маколалари туплами. – Ташкент, 2013. – с. 309-311 .

2. Юсубалиева Зарина. Проблематика и методология современной сопоставительной фразеологии // Илмий-амалий конференция материаллари «Педагогик инновациалар». – Ташкент, 2013. – с. 90- 92.

3. Внутренняя форма именных фразеологизмов в русском и узбекском языках как отражение языковой картины мира // Материалы Международного узбекско-корейского научно-практического семинара «Система образования и обучение иностранным языкам (английский, корейский)». – Ташкент, «MUSIQA», 2014. – с. 229 -234 .

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЯРУСА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

1. Проблематика и методика сопоставительной фразеологии

Как уже отмечалось во введении, фразеология более полно, чем лексика, отражает своеобразие языковых картин мира этнических языков. Национальная языковая картина мира складывается в течение веков в соответствии с историческим процессом становления данной нации и несет в себе отпечатки историко-культурных, географических и др. экстралингвистических факторов, в то же время она в значительной мере зависит от типа языка. «В собственно языковом плане языковая картина мира обеспечивается взаимодействием всех ярусов языка, однако особую роль в этом играют лексический и фразеологический ярусы. Свообразие сравниваемых языков проявляется в том, что ФЕ, отражающие сходные понятия, соотносятся с разными символическими стереотипами (например, в русском языке **с царем в голове, без царя в голове, мякинная голова** – в узбекском **мяиси жойида, мяиси ишламайди, акли расо, акли салим**)»¹.

Несомненно, что семантическая система каждого языка отражает специфическую концептуализацию объективной действительности и субъективного мира его носителей.

Общие культурологические константы наполняются разным содержанием в рамках этнических картин мира.

В настоящее время фразеологами ставится цель разработать новую модель функционально-параметрического отображения семантики фразеологизмов в рамках межъязыкового и межкультурного пространства

---

¹ Халикова М.К. Фразеология как форма отражения национального менталитета в языковой картине мира (на материале русского и узбекского языков).: Автореф. дисс... канд. филол. наук – Ташкент, 1999.

и тем самым предложить методологию описания значения фразеологизмов разных языков.

Для современной фразеологии характерно обостренное внимание к исследованию внутренней форме фразеологизмов, давнему и традиционному предмету лексикологии, фразеологии и словообразования, при этом границы синхронной и диахронической фразеологии в определенной мере размываются: внутренняя форма (образ), организует значение фразеологизмов, объясняет их мотивацию и рассматривается как основополагающий компонент всей семантики устойчивого оборота. Содержание фразеологической единицы – «пересечение двух составляющих: исторической наполняемости фразеологизма и современного понимания его образа. Первый компонент хранит информацию о былых предметах, объектах, явлениях, а второй представляет актуальное зачастую ошибочное мнение насчет образа фразеологизма.

В этой связи, историческая мотивация семантики фразеологизма вскрывает, как правило, изначальный образ как способ организации целостного значения фразеологизма, а синхронная мотивация носит по существу характер разъяснения особенностей значения и употребления фразеологизма, помогает выяснить правильную форму записи заголовочных единиц, их толкование, сочетаемость, прагматическую, стилистическую характеристики. Отсюда возникает множественность мотиваций значения одного и того же образа, поскольку вскрытие этимона фразеологической единицы сопряжено с субъективным фактором исследования этой области»¹.

Василенко А.П. полагает, что функционально-параметрическое описание применяется ко всем типам фразеологизмов. «Исходя из

---

¹ Василенко А. П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков). Автореф. дисс... докт. филолог. Орел, 2011. – С.8.

широкого понимания, рассматриваем разные типы устойчивых оборотов, однако в подавляющем большинстве случаев анализируем фразеологизмы-идиомы, которые, как представляется, ярче отражают специфику национально-культурного мышления. В русле когнитивного направления факторами появления фразеологизмов в языке являются членение мира, характерное для данного языкового социума, собственно языковая картина мира, ассоциативный комплекс, тропоморфные средства, типы смысловой мотивации (исторический и синхронный), также этимология и т.п.»¹.

В узбекском языкознании существуют различные исследования, направленные на изучение фразеологизмов, пословичных изречений, определение их места и значения во фразеологической системе узбекского языка. Так, исследованию фразеологического состава посвящены работы М. Хусаинова, А. Ш. Шамаксудова, И. К. Кучкартаева, К. Самадова, А. Абдуназарова, Э. Умарова, Б. Юлдашева и др. В них изучены лексико-семантические и стилистические особенности фразеологизмов.

В этих работах рассматриваются общие черты фразеологических единиц узбекского литературного языка, частности, на примере произведений узбекских писателей. Основываясь на классификации В. В. Виноградова, фразеологизмы делятся на три группы:

- 1) фразеологизмы народно-разговорной речи;
- 2) фразеологизмы литературного языка;
- 3) индивидуально-авторские фразеологизмы

В разряд фразеологизмов многие исследователи включают поговорки, афоризмы, устойчивые словосочетания терминологического характера, т.е. реализуется широкий подход к фразеологии.

Особенность, объединяющая работы этих исследователей, заключается в том, что в них анализируются общенародные фразеологизмы, используемые конкретным писателем.

---

¹ Василенко А. П. Указ. работа, с. 12.

Б. Юлдашев анализирует фразеологическую вариацию, синонимию и антонимию, а также пути возникновения индивидуально-авторских фразеологизмов.

Эти исследования, посвящённые основам и тенденциям развития узбекской фразеологии, имеют большое практическое значение при нахождении узбекских эквивалентов в других языках либо при замене устойчивых выражений родного языка соответствующими узбекскими фразеологизмами, афоризмами, пословицами или поговорками.

В последние десятилетия в Узбекистане и за рубежом выполнен ряд работ по сопоставлению узбекской (шире – тюркской) фразеологии с фразеологическими системами других языков. Так, Г.И.Абрамовой проанализировано более 1700 ФЕ русского, казахского и английского языков. Были выявлены существенные особенности компаративной фразеологии русского, казахского и английского языков как проекции образов сознания и воплощения общественно-исторического опыта; в частности, мотивы номинации признаков (общее и различие в выделении объектов сравнения: зоонимы, артефакты, параметрические прилагательные и т.д.) Были выявлены существенные особенности компаративной фразеологии русского, казахского и английского языков как проекции образов сознания и воплощения общественно-исторического опыта; в частности, мотивы номинации признаков (общее и различие в выделении объектов сравнения: зоонимы, артефакты, параметрические прилагательные и т.д.)¹.

В диссертации Абиходжаевой У.С. на тему «Национально-прагматический аспект при переводе фразеологических единиц» отмечается, что в пословицах и поговорках всех народов много общего и в том, что они превозносят, и в том, что они порицают. Различие переводов

---

¹ Абрамова Г.И. Семантика компаративных фразеологических единиц как элемент как элемент национально-культурной специфики (на примере русского, казахского и английского языков): Автореф. дисс... канд. филолог. наук. – М., 2004. – 25 с.

фразеологических и паремиологических единиц кроется в различиях системы образов и ценности фразеологических единиц каждого народа, в индивидуально-авторской трактовке произведения ¹.

В диссертации Халиковой М.К. на тему «Фразеология как форма отражения национального менталитета в языковой картине мира (на материале русского и узбекского языков)» применен широкий подход к объему фразеологии, т.е. в поле зрения попали все типы идиоматических конструкций, от однословных идиом и собственно фразеологизмов до пословиц, поговорок, крылатых слов. В данной работе применена методика сравнительной фразеологии как раздела контрастивной лингвистики, в связи с чем преимущественное внимание уделяется чертам типологического контраста фразеологических единиц сопоставляемых языков. Анализ фразеологических единиц с качественной оценкой лица позволил привести новые доказательства отражения национального менталитета во фразеологии ².

В диссертации Мырзашовой А.К. на тему «Глагольные фразеологизмы мыслительной деятельности в казахском и русском языках» фразеологизмы рассматриваются как структурно-моделируемые единицы, обладающие семантическим фоном, который представляет собой явление культурно-языковое, совокупность всех относимых к фразеологическим единицам сведений, имеющих в массовом обыденном сознании носителей языка. При общности логического строя (структуры) мышления мыслительная деятельность на базе конкретных языков (казахского агглютинативного и русского флективного) порождает определенные различия во внутренней организации мысли, что сказывается, в частности, на структуре и семантике глагольных

---

¹ Абиходжаева У.С. Национально-прагматический аспект при переводе фразеологических единиц: Автореф. дисс... канд. филолог. наук – Ташкент, 2002. – С. 3-5.

² Халикова М.К. Указ. работа, с. 3-8.

фразеологизмов. Проводится комплексное (структурно-морфологическое, контрастивно-семантическое, функционально-стилистическое исследование глагольных фразеологических единиц с семантикой мыслительной деятельности казахского языка в сопоставлении с русским, с целью выявления и определения их национально-культурной специфики.

Основу отбора исследуемых глагольных фразеологизмов составила классификация познавательных процессов личности, разработанная в психологии, учтены опыты семантической классификации глаголов психической деятельности человека, а также результаты фразеологической классификации когнитивной деятельности человека.

Выявлено, что при общности логического строя (структуры) мышления мыслительная деятельность на базе конкретных языков (казахского агглютинативного и русского флективного) порождает определенные различия во внутренней организации мысли, что сказывается, в частности, на структуре и семантике глагольных фразеологизмов. Специфика глагольных фразеологизмов с семантикой мыслительной деятельности казахского и русского языков определяется также особенностями языкового сознания, историей, культурой, мировидением народов ¹. Очевидно, эти закономерности в целом распространяются и на соотношение русского и другого тюркского языка – узбекского, однако соотношение это не будет полностью идентичным с соотношением русского и казахского языков, так как даже близкородственные языки прошли своеобразный путь возникновения, становления и развития.

Наряду с новыми аспектами описания фразеологии, в настоящее время одной из проблем фразеологии остается определение границ ее объекта, причем речь идет прежде всего о включении или невключении в ее состав паремиологии.

---

¹ Мырзашова А.К. Глагольные фразеологизмы мыслительной деятельности в казахском и русском языках.: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Алматы, 2000. – 27 с.

В статье Дусабаевой А. «Аллюзия в составе английской фразеологии» рассматривается весьма существенный аспект происхождения фразеологизмов: наличие в составе ряда фразеологизмов литературных, религиозных, исторических и мифологических аллюзий, которые рассматриваются когнитивно значимые элементы их семантики¹. Естественно, то подобные аллюзии являются принципиально различными для узбекского и русского языков, прошедших различные пути и этапы становления и исторического развития. Исключением являются фразеологические единицы международного фразеологического фонда, которых немало в узбекском и русском языках.

Этническое своеобразие каждого языка проявляется, в частности, в наличии в нем реалем – культурно маркированных единиц, носителей культурного наследия. К ним относятся прежде всего антропонимы, топонимы, этнонимы, но также и многие лексемы, принадлежащие к апеллятивной лексике. Однако и грамматическое оформление фразеологизмов, как непропозициональных, так и имеющих структуру предложения, является существеннейшим фактором специфического своеобразия каждой этнической фразеологической системы.

В настоящее время ставится цель разработать новую модель функционально-параметрического отображения семантики фразеологизмов в рамках межъязыкового и межкультурного пространства и тем самым предложить методологию описания значения фразеологизмов разных языков. Для современной фразеологии характерно обостренное внимание к исследованию внутренней формы фразеологизмов, давнему и традиционному предмету лексикологии, фразеологии и словообразования, при этом границы синхронной и диахронической фразеологии в определенной мере размываются: внутренняя форма (образ), организует значение фразеологизмов, объясняет их мотивацию и рассматривается как

---

¹ Дусабаева А. Аллюзия в составе английской фразеологии // Филология масалалари. Илмий-методик журнал. – Тошкент: ЎДЖТУ, 2009. – С. 31-33.

основополагающий компонент всей семантики устойчивого оборота. Содержание фразеологической единицы – «пересечение двух составляющих: исторической наполняемости фразеологизма и современного понимания его образа. Первый компонент хранит информацию о былых предметах, объектах, явлениях, а второй представляет актуальное, зачастую ошибочное мнение насчет образа фразеологизма. В этой связи, историческая мотивация семантики фразеологизма вскрывает, как правило, изначальный образ как способ организации целостного значения фразеологизма, а синхронная мотивация носит по существу характер разъяснения особенностей значения и употребления фразеологизма, помогает выяснить правильную форму записи заголовочных единиц, их толкование, сочетаемость, прагматическую, стилистическую характеристики. Отсюда возникает множественность мотиваций значения одного и того же образа, поскольку вскрытие этимона фразеологической единицы сопряжено с субъективным фактором исследования этой области»¹.

В то же время в грамматическом оформлении фразеологизмов в полной мере отражается типологическая характеристика данного языка и прежде всего особенности его грамматической системы.

Развивается и совершенствуется методика сравнительной фразеологии. Наряду со ставшими традиционными во фразеологических исследованиях методами (сравнительно-историческим, дистрибутивным, структурно-типологическим, трансформационным, методом компонентного анализа, имплицативным, контекстологическим методом избыточных толкований и др.) все чаще заявляется «метод функционально-параметрического описания – при определении семантической структуры фразеологизмов; когнитивный метод – при выяснении внутренней формы фразеологизма, его образно-ассоциативного комплекса признаков, связанных со способностью индивида представлять

---

¹ Василенко А. П., Указ. работа, с. 12.

ситуации мира реального (реже – вымышленного), отраженного в сознании; этимологический метод – при восстановлении первоначального образа внутренней формы и исторической мотивации значений фразеологизмов»¹.

В упомянутой диссертации Мырзашовой использованы синхронно-сопоставительный и описательный методы, структурно-морфологический и компонентный анализ, фрагментарно использовался контент-анализ, а также приемы количественных подсчетов. При сборе фактического материала использовался метод сплошно выборки².

Несмотря на огромное количество работ по всем аспектам фразеологии в зарубежной литературе и в лингвистике Узбекистана, в данной лингвистической отрасли содержится немало нерешенных проблем, связанных с границами фразеологии (по линии соотношения фразеологии и паремиологии, а также разграничения свободных и фразеологически связанных сочетаний), о критериях выделения фразеологической единицы, о разных типах классификации фразеологических единиц и их соотношении, о варьировании фразеологических единиц, о соотношении семантики фразеологической единицы с ее структурным представлением.

Следует отметить, что не потеряли своей значимости исследования частеречного аспекта организации фразеологических систем в языках различных языковых семей и типов и анализа их структурного представления.

2. Разновидности фразеологических единиц и их классификации

Как известно, границы и объем фразеологии в современной лингвистике разными учеными очерчиваются по-разному. С.И. Ожегов

---

¹ Василенко А.П. Указ. работа, с. 5.

² Мырзашова А.К. Указ. работа, с. 5.

первым предложил различать фразеологию в узком и широком смысле: «Устойчивые словесные сочетания, бытующие в речи, разнородны по строению и по характеру использования в речи. Их объединяет только одно общее – их устойчивость. Отсюда они объединяются общим именем – фразеологизмом. Но одни из них обладают определенными структурными особенностями и являются наряду с отдельными словами средствами построения предложения или элементами предложения. Подобные устойчивые словесные сочетания, фразеологические единицы языка, можно назвать фразеологией в узком смысле. Другие устойчивые словесные сочетания, не обладающие указанными признаками, можно назвать фразеологией в широком смысле»¹. Значит, в принципе С.И. Ожегов признавал широкий подход к границам фразеологии.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» по сути представлено широкое понимание фразеологии и фразеологизма (автором данной статьи является В.Н.Телия): «Фразеология в соответствии с различием фразеологизмов-идиом, фразеологических сочетаний и устойчивых фраз (поговорок, крылатых слов и других фразеологизмов-предложений) многими исследователями делится на фразеологию в узком смысле, исследующую фразеологизмы-идиомы и фразеологические сочетания, прежде всего связанные значения слова, и через них смыкающуюся с лексикологией, и на фразеологию в широком смысле, изучающую и устойчивые фразы разных структурных типов, обладающие различными семиотическими функциями (единицы фольклора, фрагменты художественных текстов, формулы приветствий и т.п.)»².

В более поздней работе Телия В.Н. выделяет во фразеологии 7 разных разделов. Первые два из них покрывают весь собственно фразеологический потенциал языка. Объектом остальных являются

---

¹ Ожегов С.И. Лексикология, лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974. – С. 38.

² Лингвистический энциклопедический словарь (электронная версия). – М.: Большая российская энциклопедия, 2008. – С. 5158 – 5159.

различные, подобные фразеологизмам, лингвистические феномены, которые традиционно вызывают дискуссии по поводу их права считаться фразеологизмами. Выделяя фразеологизмы на основе двух признаков, а именно несколькословности и воспроизводимости, Телия В.Н. приходит к выводу, что необходимо различать несколько классов фразеологии: Фразеологии-1, изучающей полностью идиоматичные сочетания слов; Фразеологии-2, изучающей лексические коллокации с аналитическим типом значения; Фразеологии-3, исследующей клише, близкие к сочетаниям, исследуемым Фразеологией-2 по признаку стандартизованности; Фразеологии-4, изучающей газетные и литературно-публицистические штампы и причисляемой В.Н. Телия, скорее, к области семантики и прагматики лингвистики текста, чем к фразеологии; Фразеологии-5, исследующей поговорки и пословицы, условно относимой В.Н. Телия к фразеологическому составу; Фразеологии-6, изучающей крылатые выражения¹.

В.П.Жуков прямо связывает узкое понимание фразеологии с лексикографической разработкой фразеологизмов, которые включались и включаются в толковые словари наряду с лексическими единицами, поскольку «в словари попадали прежде всего фразеологизмы, эквивалентные слову, и почти не попадали устойчивые выражения, эквивалентные предложению».

Стремление отграничить фразеологию от паремиологии опирается на признание фразеологизма особой языковой единицей в структурном, семантическом и функциональном отношении, при этом природа и сущность фразеологических единиц рассматривается в лингвистике неоднозначно. По мнению В.П. Жукова, «фразеологизм возникает тогда, когда по крайней мере два слова (чаще знаменательных), участвующих в его формировании, оказываются семантически преобразованными в такой

---

¹ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 58.

степени, что полностью или частично утрачивают собственное лексическое значение»¹. Следует, однако, отметить, что в семантическом отношении, если речь идет о фразеологической единице, более уместно говорить о трансформации значений в исходном словосочетании, без полной утраты исходной семантики компонентов, иначе необъяснимыми оказываются такие свойства фразеологической единицы, как образность и двуплановость.

«ФРАЗЕОЛОГИЗМ (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава <...>

Переосмысление, или семантическая транспозиция, лексико-грамматического состава, устойчивость и воспроизводимость – основные и универсальные признаки фразеологизма»².

По отношению к единице фразеологии наряду с терминами «фразеологизм», «фразеологическая единица», употребляется также терминологическое сочетание «фразеологический оборот» (Н.М.Шанский, А.Н.Тихонов, В.П.Жуков, А.П.Евгеньева), а также термины «фразема» (В.Н.Телия), «устойчивые выражения» (С.И.Ожегов), фразеосочетания (М.М.Копыленко, З.Д.Попова). Из них в данной диссертации как равнозначные употребляются термины фразеологизм и фразеологическая единица.

Следует упомянуть, что в некоторых работах как универсальное обозначение устойчивых единиц используется термин «клише».

---

¹ Жуков В.П. Указ. работа, с. 5.

² Лингвистический энциклопедический словарь (электронная версия). – М.: Большая российская энциклопедия, 2008. – С. 5148-5150.

Очевидно, в принципе это допустимо, однако в русистике преобладает понимание клише как синонима штампа; спорным является и вопрос о наличии у клишированных единиц образности, скорее, в оппозиции к «классическим» фразеологическим единицам, признаком клише является стертость внутреннего образа.

В зарубежных исследованиях термину фразеологизм обычно соответствует термин «идиома», а в русистике этим термином обозначается класс максимально идиоматичных, обычно непереводаемых фразеологических единиц, близких к сращениям.

В узбекской фразеологии также нет чёткого разграничения между различными типами устойчивых единиц языка. Так, для обозначения фразеологизмов в узбекском языке используют термин **«фразеологик ибора»** (фразеологический оборот, фразеологическое выражение, фразеологизм)¹; **«иборалар»**, (идиома), реже – **«баркарор (турғун) сўз бирикмалари»** (устойчивые словосочетания)².

Для обозначения же пословиц, поговорок, афоризмов, притч и присловий существуют термины: **«мақол»** (пословица); **«матал»**, **«хиқоят»**, **«рамзли хиқоя»** (поговорка); **«масал»** (притча); **афоризм**, **хикматли сўзлар** (афоризмы)³; **«ибора(лар)»** (выражение, оборот речи, фраза).

Однако полного соответствия между этими терминами и их русскими эквивалентами нет, нередко они семантически смешиваются. Так, в «Узбекско-русском словаре» термин **«матал»** рассматривается как 1) поговорка; 2) притча; рассказ, повествование; 3) обл.: сказка.

Под термином **«масал»** понимается 1) басня, притча; 2) изречение, афоризм; 3) пословица, поговорка.

---

¹ Русско-узбекский словарь. В двух томах. Т. 2. Ташкент, 1984; Узбекско-русский словарь. Под редакцией С.Ф. Акобировой и Г.Н. Михайлова. Ташкент, 1988.

² Русско-узбекский словарь. В двух томах. Т. 2. Ташкент, 1984.

³ Узбекско-русский словарь. // Под редакцией С.Ф. Акобировой и Г.Н. Михайлова. Ташкент, 1988.

Под выражением «**ҳикматли сўзлар**» даются понятия «изречение, афоризмы, крылатые слова».

Для понятия «пословичное выражение» употребляется сочетание «**мақолсимон ибора**»¹.

В «Русско-узбекском словаре» термины «**ҳикматли сўз**», «**ибора**» рассматриваются как афоризм, «**матал**» – как поговорка, «**масал**», «**хиқоят**», «**рамзли хиқоя**» – как притча².

Что касается термина «**ибора(лар)**», что означает «**идиома**», «**идиоматическое выражение**» (греч. *idioma* – своеобразное выражение), то оно даётся в значении «фразеологизмы», «идиомы», «пословичные изречения».

Приходится признать, что часть признаков фразеологических единиц и паремий совпадает: это устойчивость, воспроизводимость, двуплановость значения, наличие внутренней формы, иначе – внутреннего образа, чаще всего эксплицитного характера. Фразеологическая единица отличается от паремии прежде всего формой представления – это словосочетание, а не предложение, не предикативная единица. В.П.Жуков (один из авторов «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова) в другом издании дает такое определение фразеологической единицы: «Фразеологизм – это воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных или подчинительных словосочетаний (непредикативного или предикативного характера), обладающий целостным (или реже – частично целостным) значением ...»³. Значит предикативный характер, т.е. структура предложения (пропозициональная) в принципе допустима для фразеологических единиц. Это подтверждается и лексикографической практикой, так как практически во все фразеологические словари «проникают» фразеологические единицы

---

¹ Узбекско-русский словарь. // Под редакцией С.Ф. Акобировой и Г.Н. Михайлова. Ташкент, 1988.

² Русско-узбекский словарь. В двух томах. Т. 1. Ташкент, 2009.

³ Жуков В.П. Указ. работа, с. 5.

пропозициональной структуры (например, **Гора с плеч свалилась, Камень с души свалился, Кошки на душе скребут** и под.).

С нашей точки зрения, ограничивать объем фразеологии на основе искусственных и субъективных критериев неконструктивно, гораздо плодотворнее представлять ее в виде определенной шкалы перехода от свободных словосочетаний к полностью неразложимым сращениям типа **бить баклуши, точить лясы, закадычный друг**. Именно такой подход представлен в ставшей хрестоматийной классификации фразеологических единиц В.В.Виноградова¹:

фразеологические сочетания (**беспросыпное пьянство, потупить взор, страх берет**),

фразеологические единства (**выносить сор из избы, стреляный воробей, семь пятниц на неделе**),

фразеологические сращения (**собаку съел, дуба дал, втирать очки**).

Н.М.Шанский к ним добавляют фразеологические выражения (**Без труда не вытащишь и рыбки из пруда; Человек – это звучит гордо** и под.)², что свидетельствует о его понимании фразеологии в широком смысле.

Как известно, фразеологические единицы классифицируются по различным основаниям:

по степени слитности компонентов (основу данной классификации положила классификация В.В.Виноградова);

по семантической общности;

по структурным признакам;

по функциональным особенностям.

Так, разработчики «Фразеологического подфонда Машинного фонда русского языка» к фразеологическим единицам относят идиомы –

---

¹ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Наука, 1986. – С. 21-28.

² Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – С. 201.

абсолютно неделимые по смыслу, немотивированные лексическим составом (**как гром среди ясного неба, втирать очки, бить баклуши**), фразеологические сочетания, или коллокации (**закадычный друг, заклятый враг, кромешный ад, окладистая борода**), пословицы и поговорки, составные номинации, крылатые выражения, штампы и клише, грамматическую фразеологию¹. Таким образом, здесь представлен самый широкий подход к корпусу фразеологии, который, безусловно, имеет право на существование. Однако выделение среди ядерных, классических единиц только двух разрядов – идиомы и фразеологические сочетания вместо «традиционных» сращений, сочетаний и единств – вызывает сомнения. В частности, первый пример на идиомы (**как гром среди ясного неба**), в отличие от двух других, представляется нам в высшей степени мотивированным: гром среди ясного неба, в обстановке когда ничто не предвещает грозы, в прямом и переносном смысле. Не вполне однородными представляются и вышеприведенные примеры на фразеологические единства: мотивированность фразеологической единицы **заклятый враг** и **окладистая борода** гораздо прозрачнее, чем фразеологические единицы **закадычный друг, кромешный ад**: ср. семантику глаголов **заклясть, проклясть** и существительного **оклад** «металлическое покрытие на иконе», которое нередко бывает ценным и красивым, отсюда и осознаваемая внутренняя форма фразеологической единицы **окладистая борода**. Внутренняя форма двух других фразеологических единиц может быть выявлена только путем этимологического анализа.

Существует более подробная и динамичная классификация фразеологических единиц по типам фразеологической связанности Д.Н.Шмелева, который выделяет следующие связанности компонентов фразеологических единиц:

1. Парадигматическая (**подъемный кран, стиральная машина, сделать замечание, вступить в должность**).

2. Синтагматическая (**закадычный друг, обложной дождь, вздеть руки, насупить брови, слезно просить**).

3. Деривационная (**глубокий старик, хранить молчание, реветь белугой**).

Разные виды связанности могут сочетаться между собой, например парадигматическая + синтагматическая (**подзорная труба, грецкий орех, оказать помощь**), парадигматическая + деривационная (**железная дорога, тянуть ляжку, мозолить глаза**), парадигматическая + синтагматическая + деривационная (**краеугольный камень, бить баклуши, точить лясы**)¹. Понятно, что стечения разных типов связанности способствуют большей семантической цельности фразеологических единиц; сочетание трех типов связанности и соответствует классу фразеологических сращений-идиом. К сожалению, в новых и новейших исследованиях по фразеологии классификация Д.Н. Шмелева не используется.

По сути, как бы подробно ни разрабатывались классификации фразеологических единиц, основанные на степени семантической слитности компонентов, нередко возникают вопросы о критериях отнесения той или иной фразеологической единицы к той или иной рубрике. С нашей точки зрения, ориентироваться на среднего носителя языка в данном случае неправомерно: степень мотивированности, обратно пропорциональная степени связанности компонентов фразеологической единицы, может быть различной у носителей языка в зависимости от уровня образования, начитанности, интереса к той или иной сфере действительности и даже от наличия или отсутствия образного мышления.

В исследованиях по фразеологии очень часто упускается из виду, что наличие точек соприкосновения не значит прямолинейное перенесение особенностей одного явления на другое. Фразеологические единицы

---

¹ Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – С. 319.

признаются особой единицей языка, не тождественной слову, и грамматические особенности фразеологизмов должны исследоваться исходя из их же природы, так как наблюдаемые совпадения между словом и фразеологической единицей на уровне грамматики могут быть зависимы от причин разного порядка.

В этом аспекте классификация, основанная на формальных признаках, прежде всего грамматической природе стержневого слова фразеологического сочетания, представляется более объективной и эксплицитной, чем классификации по степени семантической слитности.

Наиболее распространенным типом фразеологизмов в русском языке являются глагольные; класс глагольных фразеологизмов является и наиболее определенным по грамматическим признакам. глагольные фразеологизмы – это структурно-семантические единства с категориальным значением действия и грамматическими признаками глагола. Фразеологи отмечают, что «проблемы грамматического аспекта фразеологии не получили в лингвистике до настоящего времени однозначного решения. Исследования в данной области находятся пока на уровне предположений и чисто формальной констатации фактов, характеризуются во многом односторонностью и субъективизмом выводов»¹. Монографических исследований, посвященных анализу грамматического аспекта субстантивных фразеологических единиц, пока недостаточно.

Отнесение фразеологизма к той или иной части речи далеко не всегда является простым и самоочевидным. Вопрос о соотносительности фразеологизмов с частями речи решается прежде всего по аналогии к такой же классификации словосочетаний (по стержневому слову), с теми поправками, которые определяются спецификой семантики и функционирования фразеологизмов.

---

¹ Абдуллаев А.Р. Проблемы грамматического анализа русской фразеологии. – Киев, 1991. – С. 8.

Однако, в отличие от словосочетаний, фразеологизм при определении соотношенности с частями речи обнаруживает релевантность не только формально-грамматических, но и семантических и синтаксических признаков (функций), так как лексико-грамматическое значение стержневого слова далеко не всегда совпадает с общим фразеологическим значением и функцией фразеологизма, например, фразеологизм **рукой подать** в качестве стержневого слова имеет глагол **подать**, фразеологизм **битый час** имеет в качестве стержневого слова существительное **час**, однако по частеречной принадлежности это наречные фразеологизмы. В приведенных примерах, как и во многих других примерах фразеологических единиц сильной степени идиоматичности, наблюдается расхождение между формальной структурой, с одной стороны, и семантикой и синтаксической функцией – с другой.

Итак, при классификации фразеологических единиц используются:

1. Формальный критерий: принадлежность стержневого слова к определенной части речи.
2. Функционально-синтаксический критерий: синтаксическая функция и тип синтаксического варьирования.

Поэтому при описании фразеологической единицы в парадигматике или в словаре нередко возникает проблема выбора между отнесением подобных фразеологических единиц к глагольным и субстантивным или к наречным, причем, как правило, побеждает функционально-синтаксический критерий. Особенно это характерно для адъективных и наречных фразеологизмов. При определении частеречной соотношенности фразеологизма, когда метод идентификации или установление наличия формальных изменений компонентов исчерпывают себя, может быть применен, в определенной мере, универсальный метод установления частеречной соотношенности исходя из синтаксической специализации фразеологической единицы.

Так, субстантивные фразеологические единицы выступают обычно в роли тех членов предложения, которые характерны для имен существительных.

В принципе частеречная принадлежность фразеологической единицы всегда определима, хотя с большей легкостью поддаются такой классификации фразеологические единицы с открытой структурой, изоморфные свободному словосочетанию или простому двусоставному предложению. В русском языке это глагольные и субстантивные фразеологизмы.

Словесное окружение является мощным фактором как для правильного понимания семантики фразеологических единиц, так и для определения их частеречной принадлежности, однако некоторые контексты оставляют возможность для вариативного понимания семантики фразеологизмов.

По мнению Грянкиной Е.С., «в составе ряда фразеологизмов содержатся «сильные» лексемы (опорные в семантических полях слова), которые провоцируют правильное или неправильное понимание фразеологических единиц».

Очевидно, речь идет о «ключевых словах» семантических полей, которые могут дать как правильное, так и ложное направление пониманию фразеологической единицы в зависимости от степени ее идиоматичности.

Паремия по наиболее общему определению – это сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение. Этот термин объединяет пословицы и поговорки. «Пословица – самый любопытный жанр фольклора, изучаемый многими учеными, но во многом оставшийся непонятым и загадочным. Пословица – народное изречение, в котором выражается не мнение отдельных людей, а народная оценка, народный ум. Пословица составляет достояние целого народа или значительной части его и заключает в себе общее суждение или наставление на какой-нибудь случай жизни <...> Поговорка – это широко распространенное образное

выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, поговорки лишены прямого обобщенного поучительного смысла и ограничиваются образным, часто иносказательным выражением. Но поговорка в еще большей степени, чем пословица, передает эмоционально-экспрессивную оценку разных жизненных явлений. Поговорка и существует в речи ради того, чтобы выразить прежде всего чувства говорящего»¹.

С точки зрения образности к фразеологическому фонду ближе оказываются именно поговорки как единицы семантически двуплановые, имеющие образную основу и возможность буквального прочтения и понимания. Однако следует учитывать и возможное стирание образной основы поговорок. В других определениях подчеркивается непропозициональная структура поговорок как признак, отличающий ее от пословицы, например: С.И. Ожеговым поговорка определяется как «Выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы законченного высказывания и не являющееся афоризмом»².

Следует отметить, что многие «явные» пословицы также имеют образную основу, например, в узбекском языке: **Эр-хотин – куш қанот** (дословно: Муж-жена – крылья птицы). Кроме того, разграничение многих поговорок и «классических» фразеологизмов представляется несколько искусственным, например, в русском языке выражение **Из молодых, да ранний** считается поговоркой, а другое выражение непропозициональной структуры **Олух царя небесного** – фразеологизмом и включается во фразеологический словарь: олух царя небесного. Прост. Очень глупый человек; тупица, дурак, болван³.

---

¹ Шин О.Ю., Львова И.С., Цхай Е.В. Происхождение пословиц и поговорок в русском и корейском языках // Девятые Виноградовские чтения. Интегративные функции языка и литературы в поликультурном пространстве современного мира. – Ташкент: ТГПУ, Топрял, 2013. – с. 123.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990. – С. 457.

³ Фразеологический словарь / Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Астрель, 2000. – С. 296.

Афоризмами принято называть краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору и заключенные в образную, легко запоминающуюся форму. Однако по критерию принадлежности определенному автору пословицы и афоризмы жестко не разграничены, поскольку авторство большинства афоризмов известно только самой образованной части общества (да и то не в полном объеме, достаточно вспомнить афоризмы И.А. Крылова и А.С. Грибоедова, ставшие пословицами), поэтому более существенным оказывается стилистический критерий: афористика – это книжный слой паремиологии. «Также пословицы сложились из удачных выражений в произведениях художественной литературы:

«Счастливые часов не наблюдают»;

«Как не порадеть родному человечку»;

«Молчалины блаженствуют на свете»;

«Любви все возрасты покорны»;

«Мы все глядим в Наполеоны»;

«Что пройдет, то будет мило»;

«А счастье было так возможно»¹.

В этом плане чрезвычайно интересно определение пословицы С.И. Ожеговым: «Краткое народное изречение с назидательным смыслом, народный афоризм»².

Следует также учесть, что в русском и узбекском языках при общей семантической эквивалентности фразеологических единиц не всегда совпадает сам тип фразеологизма, например: **Олух царя небесного – Алифни калтак дейди**. В русском языке негативная характеристика лица по состоянию интеллекта выражается «классическим» фразеологизмом высокой степени идиоматичности, а в узбекском – пропозициональной

---

¹ Шин О.Ю. и др. Указ. работа, с. 124.

² Ожегов С.И. Указ. работа, с. 491.

фразеологической единицей с достаточно прозрачной семантикой (дословно: Алиф называет палкой), поэтому исключение из материала исследования фразеологических единиц любых типов просто невозможно.

Поскольку тема нашей диссертации ограничена именными фразеологизмами, в поле нашего зрения попадают прежде всего номинацентрические пословицы. Однако при представлении фразеологической единицы паремиями может возникнуть противоречие между синтаксической формой и функцией единицы. Так, фразеологические единицы **В крещенье льда не выпросишь – Сув бермас (дословно: Воды не даст)** построены как безличные глагольные предложения, однако функционально они соответствуют определению «чрезвычайно скупой человек». Такие единицы мы также учитываем в нашем исследовании.

Возможна также и такая ситуация, когда близкое содержание передается в одном языке номинацентрической паремией, а в другом – глагольной.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.

В современной лингвистике фразеологические единицы рассматриваются как структурно-моделируемые единицы, но также в когнитивном аспекте, как формы и способы существования языкового сознания (модели сознания). Доказывается, что общие культурологические константы наполняются разным содержанием в рамках этнических картин мира. Фразеологические единицы рассматриваются в настоящее время в когнитивном аспекте, как формы и способы существования языкового сознания (модели сознания).

Развивается и совершенствуется методика сравнительной фразеологии.

В то же время, несмотря на интенсивное развитие фразеологии, сохраняется немало проблем, связанных с терминологией, пониманием сущности фразеологизма и объемом фразеологического фонда.

С нашей точки зрения, ограничивать объем русской фразеологии на основе искусственных и субъективных критериев неконструктивно, гораздо плодотворнее представлять ее в виде определенной шкалы перехода от свободных словосочетаний к полностью неразложимым сращениям, от непропозициональных единиц к пропозициональным различной структуры.

Фразеологические единицы классифицируются по различным основаниям:

по степени слитности компонентов;

по семантической общности;

по структурным признакам;

по функциональным особенностям.

Классификация, основанная на формальных признаках, прежде всего грамматической природе стержневого слова фразеологического сочетания,

представляется более объективной и эксплицитной, чем классификации по степени семантической слитности. В то же время отнесение фразеологизма к той или иной части речи далеко не всегда является простым и самоочевидным. Вопрос о соотношенности фразеологизмов с частями речи решается прежде всего по аналогии к такой же классификации словосочетаний (по стержневому слову), с теми поправками, которые определяются спецификой семантики и функционирования фразеологизмов.

Следует учесть, что в русском и узбекском языках при общей семантической эквивалентности фразеологических единиц не всегда совпадает сам тип фразеологизма, поэтому исключение из материала исследования фразеологических единиц любых типов просто невозможно.

Поскольку тема нашей диссертации ограничена именными фразеологизмами, в поле нашего зрения попадают прежде всего номинацентрические пословицы. Однако при представлении фразеологической единицы паремиями может возникнуть противоречие между синтаксической формой и функцией единицы.

Возможна также и такая ситуация, когда близкое содержание передается в одном языке номинацентрической паремией, а в другом – глагольной.

Таким образом, в соответствии с темой и задачами нашей работы, а также спецификой двуязычного материала, мы принимаем широкое понимание границ фразеологии, с включением в нее паремиологии, а в паремиологию – афоризмов.

Наиболее существенным для нашей работы представляется деление фразеологических единиц на единицы пропозициональной (из них в материал исследования входят номинацентрические паремии) и непропозициональной структуры (из них в материал исследования входят именные, преимущественно субстантивные фразеологизмы).

ГЛАВА 2. ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Основные черты типологического контраста морфологических систем русского и узбекского языков

Национальная языковая картина мира складывается в течение веков в соответствии с историческим процессом становления данной нации и несет в себе отпечатки историко-культурных, географических и др. экстралингвистических факторов, в то же время она в значительной мере зависит от типа языка. В собственно языковом плане языковая картина мира обеспечивается взаимодействием всех ярусов языка, однако особую роль в этом играют лексический и фразеологический ярусы.

В то же время специфика фразеологического яруса каждого этнического языка во многом зависит от типа данного языка, прежде всего от специфики грамматического яруса.

В настоящее время чрезвычайно актуальной является проблематика контрастивной лингвистики, разрабатываемая в трудах А.А. Реформатского, В.Н. Ярцевой, Э.М. Ахунзянова, В.Н. Гака и др.¹.

Контрастивная лингвистика (конфронтативная лингвистика, сопоставительная лингвистика) – направление исследований общего языкознания, интенсивно развивающееся с 50-х гг. 20 в. Целью контрастивной лингвистики является сопоставительное изучение двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры. Ранними источниками контрастивной

---

¹ Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987; Ярцева В.Н. Контрастивная лингвистика. – М.: Наука, 1981; Ахунзянов Э. М. Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков. – Казань: КазГУ, 1987; Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1988.

лингвистики можно считать наблюдения над отличиями чужого (иностранного) языка по сравнению с родным, которые нашли свое отражение в грамматиках, публиковавшихся в различных странах (в Западной Европе особенно активно – начиная с эпохи Возрождения), и работы по типологическому сравнению неродственных языков, проводившиеся в связи с задачами типологической (морфологической) классификации языков. Как правило, контрастивная лингвистика оперирует материалами на синхронном срезе языка <...> Видимо, в контрастивных исследованиях главное внимание должно уделяться специфическим чертам сравниваемых языков на основе некоторого набора общеязыковых явлений»¹.

Общепризнанным в настоящее время является положение о том, что контрастивная лингвистика как новое направление возникла на стыке структурной типологии и лингводидактики (методики), однако остается дискуссионным вопрос о ее соотношении с сопоставительной лингвистикой, которая в свое время отпочковалась от сравнительно-исторического языкознания как синхронная дисциплина, изучающая языки в сопоставлении независимо от наличия или отсутствия генетического родства. С нашей точки зрения, сопоставительное языкознание является более широким и общим направлением, а контрастивная лингвистика может рассматриваться как ее раздел, в котором акцентируется внимание не просто на сходствах и различиях языков, а на их типологических контрастах.

Как отмечается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», «в количественном отношении работы по различным уровням языка распределены неравномерно: больше всего – по контрастивной грамматике (включая словообразование), меньше – по контрастивной фонологии, еще

---

¹ Лингвистический энциклопедический словарь 2008, С. 2166 – 2168.

меньше – по контрастивному сравнению лексических систем...»¹. Недостаточно изучена в контрастивном аспекте и фразеология.

Русский и узбекский языки являются языками генетически неродственными и типологически контрастными: русский язык относится к славянским языкам (восточнославянским); он является языком флективного (фузионного) типа с детерминантой (ведущей типологической тенденцией структуры данного языка) «максимальное использование многозначных аффиксов», в то же время следует отметить в его строе нарастание явлений аналитизма и частично агглютинации. Узбекский язык относится к тюркской языковой семье (чагатайской, или восточной подгруппе); это язык агглютинативного типа с детерминантой «экономное использование однозначных аффиксов». По словам В.Б. Касевича, «индоевропейское слово – точка пересечения всех релевантных грамматических категорий соответствующих языков, оно выступает как основная единица словаря, а в тексте характеризуется высокой степенью цельности»². Агглютинативные языки «Г.П.Мельников называет языками с формальными коллекционными единицами стратификации. От изолирующих они отличаются тем, что имеют специальные служебные морфемы, которые расходятся очень экономно <...> узбекские слова как бы собираются каждый раз из стабильных как в семантическом, так и в формальном отношении корневой морфемы и преимущественно посткорневых аффиксов; морфонологические преобразования для узбекского словообразования и словоизменения не характерны»³.

Самым важным в аспекте типологического контраста является «набор» грамматических категорий, характерных для того или иного языка. Само наличие или отсутствие тех или иных грамматических категорий является яркой типологической характеристикой данного языка

---

¹ Лингвистический энциклопедический словарь 2008, С. 2170.

² Касевич В.Б. Морфонология. – Л.: Наука, 1986, с. 118.

³ Абдуазизов А.А., Зализняк А.М., Шереметьева А.Г. Общее языкознание. Учебное пособие для филологических факультетов. – Ташкент: НУУз, 2012. – С. 105.

и во многом определяет специфику организации его лексического состава. Однако следует отметить, что специфика лексических систем различных языков во многом определяется не только спецификой организации грамматических систем, прежде всего системой грамматических категорий и спецификой способов выражения грамматических значений, но и спецификой словообразовательных категорий.

Наличие / отсутствие грамматических категорий в современной лингвистике рассматривается с точки зрения теории лакунарности. «Лакунарные единицы раскрывают <...> специфичность, уникальность, контрастность системы одного языка по отношению к другому языку. Наиболее ярко и образно они проявляются на лексическом и фразеологическом уровнях»¹. Однако и грамматические лакуны не менее существенны. «С точки зрения теории номинации весьма существенно, например, включается ли семантический признак «пол», отраженный в грамматической категории рода и словообразовательной категории женскости, в наименование лица, как в русском языке, акцентируется ли он либо нейтрализуется <...> Именно в грамматических различиях проявляются весьма существенные, на наш взгляд, отличия языковых картин мира русского и узбекского языков»². Поэтому выявление контрастов лексических систем русского и узбекского языков необходимо начинать, по нашему мнению, с выявления контрастов грамматических систем (в данном случае субстантивной).

Существительные русского языка обладают грамматическими категориями рода, числа, падежа, одушевленности-неодушевленности.

Существительные узбекского языка обладают категориями числа, падежа, принадлежности и лица-нелица.

---

¹ Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета. – № 25 (240). – Челябинск, 2011. – с. 24.

² Абдурахманова А. К. Способы номинации лиц как отражение языковой картины мира в узбекском и русском языках. – Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ташкент, 2007. – с.8.

Русский и узбекский языки как языки неродственные и разносистемные характеризуются обилием контрастов не только на морфологическом, но и на словообразовательном уровне. И русский, и узбекский языки являются языками с развитыми системами именного словообразования, однако соотношение непроизводных и производных слов, типы их мотивации в каждом языке неодинаковы, что предопределяется языковой детерминантой (ведущей типологической тенденцией) каждого языка. Так, вследствие отсутствия в узбекском языке категорий рода и одушевленности отсутствуют и категории женскости (ср. в русском языке **учительница, ученица, красавица, царица, лентяйка, певунья, плясунья** и мн. др.) и незрелости (**детеныш, барчук, поваренок, пастушонок, казачонок, мышонок, слоненок, змееныш** и мн. др.).

Система обозначения лица в русском языке резко контрастирует с соответствующей системой узбекского языка, в котором в связи с отсутствием категории рода отсутствует и регулярная парность имен лиц мужского и женского пола, выражаемая словообразовательными средствами. В этом отношении немногочисленные пары однокоренных лексем наподобие **илох** «языческий бог» – **илоха** «языческая богиня», **аддиб** – **аддиба**, **шоир** – **шоира**, **муаллим** – **муаллима**, **мархум** – **мархума**, **сохиб** – **сохиба**. Внешне они напоминают корреляции русского языка **кум** – **кума**, **супруг** – **супруга**, **учитель** – **учительница**, однако специфика языковой картины мира узбекского языка заключается в том, что дифференциация лиц по полу проводится, «минуя» категорию рода. В русском же языке в области личных имен «род-пол» представляют собой пару сопряженных признаков в сознании носителей языка. При этом важно отметить, что категория рода – не единственный способ выражения гендерных отношений в разных языках. В узбекском языке нет категории одушевленности/неодушевленности, но существует категория лица/нелица, значит, можно говорить о делении существительных на

личные и неличные. В данном языке отсутствует также деление существительных по грамматическому роду, хотя выражение различий по полу присутствует в семантике многих личных существительных, как и в других языках, ср. пары **ота – она, эркак – хотин, ўғил – киз** и др.

Следует уточнить, что в узбекском языке личные и неличные существительные разграничиваются прежде всего по возможности замены местоимениями **ким?** – для личных и **нима?** – для неличных. В русском же языке личные существительные составляют подразряд одушевленных существительных наряду с зоонимами – обозначениями животных. Следует также подчеркнуть, что, несмотря на сопряженность и соотносительность семиотических признаков «род-пол» в русском языке, соотношение номинаций мужчин и женщин далеко не всегда бывает симметричным. Кроме того, контрастной по отношению к узбекскому языку является категория одушевленности-неодушевленности, находящая свое выражение в различии форм одушевленных и неодушевленных существительных (**вижу брата, сестер – вижу стол, столы** и т.д.).

В свою очередь, резко контрастной по отношению к русскому языку является категория принадлежности, например: **акам, аканг, акаси, китобимиз** и т.д.

Это чрезвычайно существенно и для фразеологических систем. Например, неполная эквивалентность фразеологизмов может обуславливаться наличием в русском языке и отсутствием в узбекском грамматической категории рода и словообразовательной категорией женскости. Поэтому гендерное представление ряда фразеологизмов международного фонда в русском и узбекском языках неодинаково, например: **Буриданов осёл – Буридан эшаги; Валаамова ослица – Валаам эшаги; Вавилонская блудница – Вавилон бузукиси.**

В ряде языков (английском, немецком, французском, испанском и мн.др.) выделяется грамматическая категория определенности /неопределенности (детерминативности), которая выражается прежде

всего артиклями, определенными и неопределенными. В общелингвистическом плане категория детерминативности присутствует в любом языке, разграничивая степени знакомства говорящего и пишущего с описываемыми объектами (ср. местоимения **этот, тот, какой-то, какой-нибудь** и т.д.), однако не в каждом языке она является грамматической, т.е. обязательной. В русском языке грамматической категории детерминативности нет, а вот по поводу узбекского и других тюркских языков в этой области ведутся дискуссии.

Категория определенности/неопределенности в сопоставительно-типологическом аспекте анализируется в кандидатской диссертации М.И.Гадоевой. Данная категория в указанной диссертации рассматривается традиционно, как типологическая категория, выражаемая на разных уровнях иерархии языка (морфологическом, лексическом, синтаксическом) при помощи артиклей, местоимений, прилагательных, числительных, модальных слов и др.¹. Большое внимание уделяется в работе статусу узбекской лексемы **бир**, которая относится одними лингвистами к неопределенным артиклям, а другими (вслед за Б.А.Серебренниковым) называется «артиклоидом». По мнению автора данной диссертации, «в узбекском языке специальные единицы или маркеры выражаются теми же единицами, что и в английском языке, только с той разницей, что в английском языке главным маркером служит неопределенный артикль, а остальные квалифицируются как специализированные. В узбекском же отсутствие неопределенного артикля лишает этот язык главного маркера, и он имеет так называемые специализированные маркеры»². Однако А.Н.Кононов намечает еще один способ выражения категории детерминативности: «В узбекском языке, так и в других тюркских языках, имя существительное в отношении

---

¹ Гадоева М.И. Типологическая категория неопределенности и способы её выражения в разносистемных языках.: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ташкент, 1990. – С. 3.

² Гадоева М.И. Указ. работа, – С. 7.

грамматической определенности и неопределенности может выступать в трех состояниях: нейтральном, определенном и неопределенном. Нейтральное состояние существительного характеризуется отсутствием показателей категории определенности/неопределенности ... **от хайвондир** “лошадь – животное”; **турна кушдир** “журавль – птица”; **кушлар учад** “птицы летают”. Неопределенное состояние имени существительного обозначается с помощью слова **бир**, выступающего в двух значениях: имени числительного «один» и неопределенного члена «некий» «какой-то»: **бир от** 1) “одна лошадь”, 2) “какая-то лошадь” **кандайдир бир от**.

Определенное состояние имени существительного обозначается с помощью:

1) грамматических средств, обслуживающих категорию принадлежности: **китобимиз, бизнинг китобимиз, бизнинг китоб**;

2) определений, выраженных: а) указательными местоимениями и другими их разрядами, используемыми в определительной функции; б) именем прилагательным на **-даги**, в) именем прилагательным в превосходной степени;

3) лексического значения слова; к числу слов, определенность которых проявляется в их лексическом значении, относятся имена существительные собственные, а также личные, указательные и вопросительные (**ким, нима**) местоимения;

4) определенного члена, который в тюркских языках выражается с помощью афф. принадлежности 3-го л. **-и(-си)»¹**.

Таким образом, А.Н.Кононов признает наличие в узбекском языке неопределенного артикля (лексема **бир** в одном из значений) и неопределенного, который совпадает с аффиксом принадлежности 3-го лица **-и(-си)**, один из артиклей является препозитивным, а другой постпозитивным. Категория принадлежности узбекского языка является

---

¹ Кононов А.Н. Грамматика современного литературного узбекского языка. – М.-Л. : Наука, 1960. – С. 88.

одним из средств выражения детерминативности.

Категории принадлежности, лица-нелица и неопределенности активно участвуют в оформлении именных фразеологизмов.

В области имен прилагательных основной чертой контраста узбекского языка является неизменяемость прилагательных.

На синтаксическом уровне своеобразие узбекского языка проявляется прежде всего в более строгом порядке слов, наличии изафетных конструкций и практическом отсутствии безличных предложений. Для русского языка характерны вариантность глагольного управления, согласования в числе и роде, многообразие односоставных предложений. В.Г. Гак по отношению к содержательной стороне фразеологизмов выделяет «два типа межъязыковых расхождений: а) в одном из языков могут быть фразеологические единицы, значения которых в другом языке не представлены... б) некое значение представлено в семантической системе обоих языков, но в одном из них оно выражается лексически, одним словом, в другом – фразеологически... в) сходные по внешней форме фразеологические единицы могут расходиться по внешней образности»¹. Хотя анализ В. Г. Гака в основном ориентирован на фразеологию «в узком смысле», представленную словосочетаниями, те же закономерности можно распространить и на паремиологию.

2. Специфика частеречной классификации фразеологизмов в русском и узбекском языках

В русском и узбекском языках определенное соответствие проявляют следующие частеречные типы фразеологических единиц:

---

¹ Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1977. – С. 202-203.

1) **Глагольные фразеологизмы:** заварить кашу, брать за живое, втирать очки, дать дёру, носить воду решетом, толочь воду в ступе, сматывать удочки, ходить гоголем, тянуть канитель, питаться акридами (и диким мёдом), вломиться в амбицию, задать баню, наострить уши, ломать голову, рвать на части, совать (свой) нос, пускать пыль в глаза, держать камень за пазухой, доводить до белого каления, выносить сор из избы, глядеть косо, брать нахрапом, выть волком, глядеть волком, смотреть (глядеть) сентябрем, беречь пуще глаза, ставить на одну доску, глядеть вон, глядеть врозь и мн. др.

Глагольно-пропозициональные фразеологические единицы русского языка: калатун пришел, бабушка надвое сказала, волосы становятся дыбом, глаза на лоб полезли и др.

Глагольные фразеологизмы русского языка – самый продуктивный класс фразеологизмов: исследователи приводят такие данные – в русском языке около 80 % глагольных фразеологизмов¹.

В узбекском языке максимально продуктивны также глагольные фразеологизмы, которые в большинстве случаев представлены с глаголом в форме инфинитива, например:

ғарибонидан олмоқ (арх.),
гурига гишт каламоқ (перемывать косточки),
калаванинг учини йуктомоқ,
Жалоирга жар солмоқ,
Кукон манзират қилмоқ,
зиғир ёқдек кунглига урмоқ,
мошхурданга қатик булмоқ,
боши берк кучага кириб қолмоқ,
дупписи тор қилмоқ,
бошини иккита қилмоқ,
остонасига бош урмоқ,

бўргага аччиқ қилиб кўрпани қуйдирмоқ,
пашшадан фил ясамоқ,
сичқонни ини минг танга булмоқ,
бир кесак билан икки қаргани урмоқ (вар.),
қуйнини пуч ёнгоққа тўлдирмоқ,
тарвузи қултигидан тушмоқ,
арпасини хом урмоқ (досл. жать незозрелый ячмень, эквивалент?
делить шкуру неубитого медведя),
ковун туширмоқ (бросать дыню, неострожность),
етим бутадек бузламоқ (горевать по кусту, как о сироте),
эшакнинг кулоғига танбур чертмоқ (метать бисер перед свиньями),
икки жахон овораси бўлмоқ (быть между двух огней)

Однако в ряде случаев фразеологические единицы узбекского языка представлены в спрягаемой или причастной форме, например:

кузлари ногирон бўлди,
кузи турт бўлди,
капалаги учди,
ер дагида илон қимирласа билади,
бир гап бўлар» (из этого что-нибудь выйдет);
бир бало бўлди» (что-то случилось плохое, негативное),
бир бало қилиб (постараться что-то сделать),
илоннинг ёғини ялаган, арпа эккан арпа урар

Примеры пропозициональных глагольных фразеологических единиц:

Сулаймон ўлди – девлар қутилди;

туя кўрдингми, йук ;

ойни этак билан ёпиб булмас и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что структура эквивалентных фразеологических единиц в русском и узбекском языках может как совпадать, так и принципиально различаться, например:

Баҳорнинг бир куни бир йилни тўйдиради (Один весенний день год кормит); Игнадек нарсани туядек килмок (делать из мухи слона);

Бир кесак билан икки куённи урмок (прибл. одним выстрелом убить двух зайцев)

Илон пуст ташлайди (досл. змея сбрасывает кожу, экв. волк в овечьей шкуре);

Икки кемага оёқ кўйган ғарқ бўлур (досл.: Ступивший ногами на две лодки утонет; экв.: За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь).

2) **Субстантивные фразеологизмы:** глубокий старик, базарная баба, бесструнная балалайка, березовая каша, девичья память, лошадиная доза, осиная талия, львиная доля, медвежья услуга, мякинная голова, золотой телец, горячее сердце, живая вода, живой укор, заячья душа, соломенная вдова, соломенный вдовец, подъемный кран, стиральная машина, закадычный друг, обложной дождь, подзорная труба, грецкий орех, черное золото, притча во языцах, барашек в бумажке, белая страда, коломенская верста, волк в овечьей шкуре и др.

В узбекском языке: кузлари йулда, туянинг думи ерга текканда, муросаи мадора такдири азал жумлан мумин, суфи азон айтмасдан, огир карвон, эшак улдиарар офтоб, мушугини пишт демаслик, Қора курси (скамья подсудимых), Қора халқ (одам) – темные люди (человек) – необразованные, невоспитанные люди, қора ният – черные намерения; қора кучлар – темные силы и др.

Приведем примеры пропозициональных фразеологических единиц с преобладанием субстантивных элементов:

отдан тушса ҳам эгардан тушмаслик

чумчуқдан қурккан тарик экмас

кўр товукқа ҳамма нарса буғдой (слепой курице все пшеница)

отдан тушса ҳам эгардан тушмаслик, буғдой эккан буғдой

яхши отга бир камчи (экв.: умному достаточно)

3) В функционально-семантическом аспекте и в русском, и в узбекском языках важную роль играют **нумеральные** фразеологические единицы, однако наличие особого класса нумеральных фразеологических единиц проблематично: с одной стороны, числительное выступает опорным словом словосочетания, с другой – только немногие фразеологические единицы, включающие имена числительные, сохраняют количественную семантику, например: **сорок сороков** – бесчисленное множество, **два сапога пара** – тождество, **семи пядей во лбу** – ироническое наименование мудреца, а **тридцать три несчастья** - неудачника и т.д.

Во фразеологической единице ни **одна** собака – абсолютно никто; ни **одной** души – никого, ни одного человека; ни **один** черт – абсолютно никто опорным словом, согласно вузовской классификации, является не числительное, а местоименное прилагательное, при этом точное числовое значение числительного утрачивается.

Однако в узбекском языке представлено немало пропозициональных фразеологических единиц, акцентирующих количественную семантику:

Яхши бузоқ **икки** онани эмади, энсаси қотган **битгадан** ҳам қолади
(Ласковый теленок двух маток сосет, а бодливый и одной не увидит)

Икки шунқор талашса, **бир** қарғага ем тушар (где два сокола дерутся, там одна ворона может прокормиться)

Бир кун бурун эксанг, ҳафта бурун ўрасан (Днём раньше посеешь – неделей раньше пожнёшь; экв. День год кормит)

Юз сўм пулинг бўлгунча **юзта** оғайнинг бўлсин (Не имей сто рублей, а имей сто друзей)

Бир кунлик йўлга чиқсанг, **бир** ҳафталик озиқ ол (Если собираешься в путь на один день, еды бери на неделю)

Бир синалган ёмонни қайта-қайта синама (Плохое, испытанное однажды, не испытывай в другой раз)

«Ёмоннинг **бир** қилиғи ортиқ (У плохого даже одна выходка лишняя (перебор)

Бир каттанинг гапига кир, бир кичикнинг (Раз послушайся старого, другой раз – малого)

Камбағалнинг **бир** тўйгани – бой бўлгани (Один раз бедному наестся – почувствовать себя наполовину богатым)

Умр мисоли **бир** пиёла сув, тўкилди – тамом (Жизнь как пиала воды, прольется и всё (конец))

Яхши гап ҳам **бир** оғиздан чиқади, ёмон гап ҳам (Одними устами можно сказать и добрые слова и плохие)

Етти ёшгача бола ердан калтак ейди (До семи лет ребёнок получает побои от земли)

Бир бошга бир ўлим (На одну голову одна смерть? Экв.: Двум смертям не бывать), тўрт тарафи (томонинг) қибла (1) свободна на все четыре стороны; 2) куда хочешь туда и иди).

Следует отметить, что не во всех приведенных примерах числительные сохраняют точное числовое значение, они могут обозначать и неопределенное множество (например: юзта оғайнинг бўлсин / имей сто друзей), либо передавать значение тождества (**Бир** терининг ичида қўй неча семириб, неча озади (Под одной и той же шкурой овца не раз тучнеет и худеет)).

4. В русском и узбекском языках выделяются также **междометные** фразеологические единицы: **Боже упаси, гром и молния, черт побери** и т.д. Ср. в узбекском языке: **Оқ йўл!** В добрый путь! **Оқ фотиҳа** – доброе напутствие, пожелание в дорогу.

В русском языке выделяются также частеречные классы фразеологизмов, не находящие соответствия в узбекском языке.

1) **Адъективные фразеологизмы**: одного поля ягода, в сорочке родился, в чем мать родила, пальчики оближешь, мухи не обидит, не от мира сего; собаку съел и др.; за семь верст киселя хлебать, девятый вал, семь пядей во лбу, **пятое** колесо в телеге (лишний, ненужный в каком-либо деле человек), **два** вершка от горшка – очень низкий, низкого роста,

маленький; **не первой** свежести (бывший в употреблении, истрепанный, изношенный, нечистый), **не первой** молодости (немолодой) и др.

2) **Наречные фразеологизмы:** очертя голову, положила руку на сердце, как по маслу, на широкую ногу, с грехом пополам, с корабля на бал, в двух шагах; подать рукой; кот наплакал, семь верст до небес (и все лесом), по первое (пятое) число – по всей строгости (наказать, проучить и т. п.), на все **сто** (отлично, хорошо), с первого слова (сразу же, с самого начала разговора, беседы), с первого взгляда (сразу же).

Наиболее распространенными в русском языке являются фразеологические единицы четырех типов (глагольные, субстантивные, адъективные и наречные) в соответствии с выделением основных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов и наречий, но следует обратить внимание, что только глагольные и субстантивные фразеологические единицы последовательно выделяются и по структурному, и по функциональному основаниям, т.е. являются изоморфными словосочетаниями.

Наречные (адвербиальные) и адъективные фразеологизмы – это неизоморфные ССЧ фразеологические единицы, соотносимые с наречиями и прилагательными только по функциональному признаку, т.е. по синтаксической функции, по позиции, которую они занимают, будучи включенными в предложение. Очевидно, это связано и подчиненным положением прилагательных и наречий в обычных сочетаниях и, вследствие этого, неспособностью создавать самостоятельные фразеологизмы. По нашим наблюдениям, в узбекском языке наречные фразеологические единицы отсутствуют.

3) В русском языке выделяется подкласс фразеологических единиц, соотносимых с **категорией состояния**, например: **не по душе**, **ад кромешный на душе**, **не по себе** и т.д.

Как известно, категория состояния представляет собой своеобразную (и проблемную для классификации) часть речи. Не все языковеды

согласились с Л.В. Щербой, выделившим лексемы **весело, грустно, тоскливо** и под. в безличном употреблении в отдельную часть речи: такой части речи нет в «Грамматике современного русского языка» (М., 1970) и в «Русской грамматике» (М., 1986).

На наш взгляд, фразеологические единицы русского языка, соотносимые с категорией состояния тяготеют к именным фразеологизмам. Не случайно В.В. Виноградов считал слова категории состояния глагольно-именной категорией.

Таким образом, и пропозициональные, и соотносимые со словосочетанием фразеологизмы русского и узбекского языков реализуются через структуры, своеобразие которых предопределяется прежде всего спецификой фразеологического яруса и своеобразием грамматических систем сопоставляемых языков.

3. Структурные типы именных фразеологизмов в русском и узбекском языках

По структуре субстантивные фразеологизмы, как и фразеологизмы другой частеречной принадлежности, делятся на бинарные и многочленные, например: львиная доля, медвежья услуга, мякинная голова, золотой телец; огир карвон, кунгли синик /сказка про белого бычка, отставной козы барабанщик; келаси ковун пишигида, итинг туваги олтин (прибл. золотой унитаз), икки жахон овораси (букв. скиталец двух миров, эквиваленты: ни то, ни се; ни рыба, ни мясо).

По нашим наблюдениям, субстантивные фразеологические единицы узбекского языка чаще имеют многочленную структуру, а для субстантивных фразеологических единиц русского языка наиболее распространена бинарная структура.

1. Наиболее частотными и относительно изоморфными в русском и узбекском языках являются бинарные фразеологические единицы

«прилагательное + существительное», например: синий чулок, ахиллесова пята, живой укор, живая вода, живое воображение, горячее сердце, тупой пользователь, огир карвон, мошгуруч сокол (борода с проседью), кора коғоз (толь), кора хабар (плохие вести, известия), кора кути (черный ящик) и др.

Однако, вследствие наличия в русском языке категории рода, фразеологические единицы структуры «существительное + прилагательное» представлены в форме одного из трех родов.

2. В русском языке широко представлены фразеологические единицы, включающие предложно-падежные сочетания, такие фразеологизмы могут быть бинарными и трехчленными, например: камень на сердце, камень за пазухой, ноль без палочки, буря в стакане воды, ушат холодной воды и мн. др.

3. Многие субстантивные фразеологические единицы узбекского языка имеют структуру изафетных конструкций, например: зехни паст, табиати нозик, дийдаси каттик, мехри тош, кунгли юшмок, кунгли эгри, кунгли синик, кузи уткир.

4. В русском языке довольно широко представлены фразеологические единицы минимальной структуры, представляющие собой предложно-падежные сочетания: с ноготок, без души, вне себя, к черту и др.

Что касается адъективных, наречных фразеологизмов, а также фразеологизмов, соотносимых с категорией состояния в русском языке, то проблемность их выделения и описания как раз связана с тем, что их семантика и функционирование не подтверждаются наличием специфических и устойчивых формул, относящихся именно к этим классам. Их структура весьма разнородна, они принимают вид субстантивных или глагольных пропозициональных фразеологизмов. Более того, ни прилагательное, ни наречие не выступают как стержневое слово устойчивой единицы, «уступая место» другим частям речи:

1) существительным: одного поля ягода, не от мира сего, девятый вал, пятое колесо в телеге (лишний, ненужный в каком-либо деле человек), не первой свежести (бывший в употреблении, истрепанный, изношенный, нечистый), не первой молодости (немолодой).

2) глаголам: в сорочке родился, в чем мать родила, пальчики оближешь, мухи не обидит, собаку съел др.

3) числительным: два вершка от горшка – очень низкий, низкого роста, маленький; за семь верст киселя хлебать, семь пядей во лбу,

В наречных фразеологизмах в качестве стержневого слова словосочетания в редких случаях выступает «наречная» глагольная форма –деепричастие: очертя голову, сломя голову, положа руку на сердце.

4. Семантические разряды именных фразеологизмов русского и узбекского языков

Семантическая классификация именных фразеологических единиц русского и узбекского языков в целом совпадает по самым основным рубрикам, связанным с характеристикой человека.

Можно выделить следующие базовые разряды фразеологических единиц, связанные с жизнедеятельностью человека, его характеристикой в аспекте трудовой деятельности, интеллектуальными и моральными качествами и т.д.

1. Фразеологические единицы, характеризующие трудовую деятельность человека, его быт, семью, достаток и т.д. Например: Горемастер /мастер-ломастер/ – Уста бузармон; Без роду, без племени – Насл-насабсиз; Таги паст (дословно: низкого происхождения)

Без хозяйки дом – сирота – Хотинсиз уй – боғбонсиз боғ (дословно: Без женщины дом что сад без садовника)

2. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его внешности и возраста, состояния здоровья. Например:

Бледный как полотно – Ранги синик (дословно: болезненный цвет); В летах – Ёши тухтаган (дословно: Возраст остановился); Желторотый птенец – Кетини мўйчинак тишламаган; Молоко на губах не обсохло – Она сути оғзидан кетмаган (дословно: материнское молоко изо рта не ушло); Бўз йигит (дословно: зеленый парень); Краше в гроб кладут /Одной ногой в гробу/ – Бир оёғи ерда, бир оёғи гурда (дословно: Одной нога на земле, другая нога в гробу); Крепкий как вол /Здоровый как лошадь/ – Хирсдек бақувват (дословно: мощный как медведь); Кровь с молоком /как маков цвет/ - Юзидан қон томади (дословно: С лица кровь капает).

3. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его физических особенностей. Например: Жирный как свинья – Бир кўйлак эт (дословно: целое платье жиру); Голова с пивной котел – Боши хумдек (дословно: голова как хум);

4. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его интеллектуальных особенностей и моральных качеств, опыта, ценности в обществе. Например: Бесструнная балалайка - **Жағи очик** (дословно: Челюсть открыта); Огзининг туруми йўқ (дословно: во рту нет замка); Чакаги **очик**; Благородное сердце – Юраги дарё (дословно: Сердце - река); Волк в овечьей шкуре – Илон пуст ташлайди (дословно: змея сбрасывает кожу); Бессердечный человек – Дийдаси қаттиқ (дословно: лицо крепкое); **Меҳри** тош (дословно: любовь камня); Без царя в голове – Мияси ишлайди (дословно: Мозг не работает); Змея подколодная – Шайтонга дарс беради (дословно: Учит сатану); И мухи не обидит – Чумлига **хам** озор бемайди (дословно: Муравья тоже не обидит).

5. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его психических особенностей и эмоциональных состояний, отношений между людьми. Например: Как в воду опущенный – Сувга тушган мушукдек (дословно: Как в воду погруженная кошка); Кошки скребут на сердце – дами (дарди) ичида (дословно: болезнь у него внутри);

Каждая семантическая группа может быть разбита на множество подгрупп, например, в третьей группе может быть выделена подгруппа «брак, семья», которая в каждом языке представлена множеством фразеологических единиц, например:

Онасини куриб кизини ол (Глядя на мать, выбирай дочь).

Кизини олишдан олдин онасини рози кил (Дочку сватать, за матушкой волочиться).

Яхши хотин – уйнинг гули;

Яхши хотин – уй зийнати, ёмон хотин – туй зийнати (Примерное соответствие в русском языке – С доброй женой горе – полгоря, а радость – вдвойне). Она мехрининг чеки булмас; Она мехри – уммон.

Она мехри – дарё (Материнская ласка конца не знает).

Аёлнинг сариштаси – рузгорнинг фариштаси; Хотинли рузгор гулдир – хотинсиз рузгор чулдир (Доброй жене домоводство не мука; Женщина – ключ домашнего хозяйства).

Хотинсиз уй – богбонсиз бог (Без хозяйки дом – сирота, дословно: Без женщины дом что сад без садовника).

Ёмон хотин – жон заволи (Злая баба в дому – хуже чёрта в лесу).

Куча хандон, уй зиндон (На людях ангел, дома черт; вариант: В людях ангел, не жена, дома с мужем сатана). Однако точный дословный перевод в данном случае вообще невозможен: хандон – «смеющийся, улыбающийся», куча – улица; примерно: «На улице улыбки»; вторая часть переводится как «дом – тюрьма»).

Эрни эр киладиган хам хотин, кора ер киладиган хам хотин (Добрая женитьба научает, а худая от дома отлучает).

Аккли хотин – уй курки; От олсанг, миниб ол, хотин олсанг, куриб ол

(Выбирай себе жену не глазами, а ушами).

Эр-хотин – куш канот (Муж и жена – одна сатана).

Эрсиз хотин – бошвоксиз от (Женщина без мужа что лошадь без узды).

5. Специфика внутренней формы именных фразеологизмов русского и узбекского языков

Понятие внутренней формы слова и фразеологизма базируется на понятии внутренней формы языка В. фон Гумбольдта, который чрезвычайно высоко оценивал общее понятие формы в языке. Форме языка дается следующее определение: «Постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка»¹. Соотношение между формой языка и конкретной языковой формой определяется так: «Характерная форма языка отражается в его мельчайших элементах, и каждый из них тем или иным не всегда явным образом определен языковой формой»².

Как отмечают исследователи творчества Гумбольдта, им не дана дефиниция внутренней формы слова, которую не следует смешивать с внутренней формой языка. Однако к понятию внутренней формы слова можно подойти через соотношение **слово – словарный запас – предложение – язык**. Гумбольдт подчеркивал, что «никоим образом нельзя рассматривать словарный запас языка как готовую, застывшую массу... словарный запас представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт словообразовательной потенции»³. Хотя фразеологические единицы характеризуются такими свойствами, как устойчивость и воспроизводимость, фразеологический фонд определенного языка нельзя представлять как неподвижную, застывшую

---

¹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1984. – С. 71.

² Гумбольдт В. фон. Указ. работа, С. 71.

³ Гумбольдт В. фон. Указ. работа, С. 112.

массу. Определенные подвижки, изменения происходят постоянно: одни фразеологизмы переходят в пассивный запас языка и их семантика для многих носителей языка восстанавливается лишь при помощи этимологических справок, появляются новые фразеологические единицы, зачастую происходит переосмысление семантики фразеологизма. Суммируя сказанное выше, можно считать внутреннюю форму фразеологизма частным случаем внутренней формы языка. При анализе внутренней формы Гумбольдт обращал внимание на такие ее стороны, как связь с метафорой, возможность индивидуальных внутренних форм: «Фантазия и чувство рожают индивидуальные образования..., с помощью которых данное может проявляться во все новых определениях»¹.

В последнем высказывании, по нашему мнению, В фон Гумбольдт близко подошел к понятию пресуппозиции – одному из важнейших понятий современной семантики.

Гумбольдт четко указывает на источник разных внутренних форм для обозначения одного и того же предмета, в одном языке или в разных языках, вариативности, синонимии, изменчивости внутренней формы. «Поистине язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом в процессе языкотворчества»².

В русской лингвистической науке благодаря концепции А.А.Потебни понятие внутренней формы было интерпретировано прежде всего как внутренняя форма слова и как понятие этимологическое, этимон, первоначально положенный в основу наименования. По словам А.А.Потебни, «внешняя форма нераздельна с внутреннею, меняется вместе с ней, без нее перестает быть сама собой...

---

¹ Гумбольдт В. фон. Указ. работа, С. 101, 104.

² Гумбольдт В. фон. Указ. работа, С. 103.

Внутренняя форма в самую минуту своего рождения изменяет и звук, и чувственные образ»¹.

Понятие внутренней формы языка А.А.Потебня связывает с явлением апперцепции, с зависимостью восприятия от прошлого опыта, от запаса знаний и общего содержания духовной жизни человека. «Само появление внутренней формы, сама апперцепция в слове сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением, расширяя сознание, сообщая возможность движения большим мысленным массам»².

Психологическое понятие «апперцепция» коррелирует с лингвистическим понятием «пресуппозиция», которое уже упоминалось выше. Пресуппозиция – это в целом лингвистическая компетенция человека, его интеллектуальный и духовный багаж. Это понятие чрезвычайно важно и для понимания фразеологических единиц, и для их семантизации, так как большая часть фразеологических единиц (особенно идиомы) содержат намек на определенную пресуппозицию. Без должного уровня пресуппозиции возможно буквальное прочтение фразеологизма, что нередко бывает с детьми, только осваивающими родной язык, или при изучении иностранного языка.

Важно также определение соотношения внутренней формы и мотивированности значения фразеологизма.

В.В.Виноградов настаивал на том, что «внутренняя форма ни в какой мере не совпадает со значением слова..., хотя она и помогает уяснить идеологию и мифологию языка или стиля, связи и соотношения идей, образов и представлений в языке»³. То же можно отнести к фразеологическому значению.

---

¹ Потебня 1976, с. 175-180.

² Потебня Указ. работа, С. 182.

³ Виноградов В.В. Указ. работа, С. 20.

В.В.Виноградов пишет: «По определению А.Марти, внутренняя форма слова есть «сопредставление» или «созначение», которое образует посредствующее звено между звуками и значениями. Это образный способ выражения того или иного значения, обусловленный психологическими или культурно-историческими особенностями общественной среды или эпохи»¹.

Л.А. Новиков сформулировал четкий критерий, позволяющий отличать внутреннюю форму от лексического и словообразовательного значения: «Значение – это то, **что** отражается данной лексической единицей; внутренняя форма – это то, **как** отражается в этой единице (в её значении) тот или иной факт действительности»² [72, с. 161]. Это можно распространить и на соотношение значения и внутренней формы фразеологизмов.

Внутренняя форма фразеологических единиц усложнена вследствие того, что семантика типичных фразеологических единиц двупланова: она, как правило, включает метафорическое переосмысление поверхностной семантики, представленной лексическими компонентами словосочетания, поэтому лексический состав фразеологических единиц и их словарных дефиниций нередко коренным образом различается, например: **заячья душа – робкий, трусливый человек**. Для правильного понимания этой фразеологической единицы необходима пресуппозиция – знания о том, что в русском языке заяц считается символом трусости (а не быстроты движений, хитрости, способности к маскировке, что было бы вполне обоснованно). Поэтому вряд ли китаец правильно поймет русские выражения **ослиное упрямство, упрямый как осел**: для китайцев осел – символ трудолюбия и терпения (что справедливо).

Итак, внутренняя форма фразеологических единиц – это их внутренний образ, который создается соотносительностью дословного,

---

¹ Виноградов В.В. Указ. работа, С. 20.

поверхностного прочтения фразеологизма и ее глубинной семантики, базирующейся на определенной пресуппозиции.

При сопоставительном анализе паремий разных языков обычно выделяются три основные группы, отражающие степень совпадения их семантической и структурной близости:

- 1) моноэквивалентные, с полным совпадением формы и содержания;
- 2) аналоги, с приблизительным совпадением содержания;
- 3) безэквивалентные клишированные единицы.

В первую группу входят устойчивые сочетания, пословичные изречения, полностью совпадающие в семантическом и лексико-грамматическом плане и не представляющие для обучающихся больших трудностей в освоении. Так, в обоих языках есть близкие по содержанию единицы: например, следующим русским пословицам соответствуют чрезвычайно близкие по содержанию эквиваленты узбекских паремий:

Аввал ўйла, кейин сўйла – Сначала думай, потом говори

Семь раз отмерь, один раз отрежь – Етти ўлчаб бир кес

Балиқ бошидан сасийди – Рыба гниёт с головы

Глаза бояться, а руки делают – Кўз кўрқок, кўл ботир

Ученье – свет, а неученье – тьма – Илм – ёруғлик, илмсизлик – қоронғулик

Ситуативное функциональное использование приведенных паремиологических единиц совпадает в узбекском и в русском языках. Однако в аспекте грамматического строения, тонкостей передачи внутренней формы только одна пара (первая из приведенных) может рассматриваться как полностью эквивалентная. По структуре и семантике максимально совпадают также следующие две пары паремий, однако в грамматическом оформлении пары **Балиқ асийди – Рыба гниёт с головы** сказывается различие падежных систем двух языков: исходный падеж узбекского языка (**бошидан**) семантически не вполне соответствует русской предложно-падежной конструкции **с головы** (больше подошло бы

сочетание **от головы**). В русской паремии просматривается эллиптически опущенная глагольная форма **начиная**, что создает особенности внутренних форм обеих паремий.

Даже максимально совпадающая по структуре и семантике пара **Семь раз отмерь, один раз отрежь – Етти ўлчаб бир кес** отличается по отношению к каждому языку тонкими и существенными различиями. В узбекском языке кратность действия передается непосредственно числительными, а в русском языке для выражения кратности используется существительное **раз**. Значит, семантика числительных в русском языке более абстрактна, чем в узбекском языке, если для выражения кратности числительным нужна семантическая субстантивная опора.

В других случаях различия между условно эквивалентными паремиями двух языков более существенны. В паре **Глаза боятся, а руки делают – Кўз кўрқоқ, қўл ботир** русская паремия оформлена как процессуальная, глагольная, а узбекская – как чисто именная, причем в первой части характеризующий компонент является прилагательным (**кўрқоқ – трусливый**), а во второй – существительным (**ботир – богатырь**).

Однако на этом различия не заканчиваются: существенно, что в русском языке оба существительных стоят во множественном числе (которое скорее обозначает в данном случае парность соматизмов), а в узбекском – в единственном числе, так как множ. число не обязательно в узбекском языке при обозначении реальной множественности. Если бы мы захотели точнее перевести узбекскую пословицу, то получили бы примерно такой перевод: **Глаз труслив, рука – богатырь, или Глаза трусливы, руки богатыри**.

Разумеется, эти особенности не могут не сказаться на тонкостях внутренней формы, внутреннего образа паремий. При наличии единого семантического стержня, единой моральной установки (Не бойся трудностей, смело берись за дело), узбекская паремия, если так можно

выразиться, более оптимистична, она утверждает мощь человеческих рук (как символа всякого, не обязательно физического труда). Русская же поговорка обобщает предшествующий опыт.

В следующей паре не совпадает полностью ключевое слово поговорок: ильм – это скорее не ученье как процесс, а наука, знание как результат; существенно также, что характеризующие слова оформляются как подчеркнуто абстрактные, через суффикс **-лик**. Тем не менее внутренние формы обеих поговорок, их пресуппозиция, этическая установка (Учись!) очень близки.

По нашим наблюдениям, полная эквивалентность поговорок, по крайней мере по отношению к неродственным разносистемным языкам, встречается крайне редко. Причинами эквивалентности обычно служит заимствование (с последующим калькированием) поговорок.

Основу формирования образности в этой группе фразеологических единиц составляют наиболее типичные явления окружающей действительности, а они, эти явления, представляют общее видение мира, общую языковую образность, которая во многих языках – как родственных, так и неродственных – совпадает.

Ко второй группе по степени сложности относятся устойчивые единицы, имеющие в русском и узбекском языках эквиваленты в плане содержания, но абсолютно различные по своей образности, то есть это такие фразеологизмы, пословичные изречения, в которых одна и та же мысль выражается по-разному, которые имеют тот же смысл, то же соотношение объектов, но сами эти объекты и лексический набор в них во многом различны, хотя структурно (синтаксически) они и соотносены. Единицы данной группы отражают психологию народа, его традиции, быт и культуру.

Ещё примеры: «Бир кала яхши, икки кала ундан ҳам яхши» (дословный перевод: «Одна голова хорошо, а две головы ещё лучше») эквивалентно русской поговорке «Ум хорошо, а два лучше»; «Қарс икки

кўлдан чиқади» эквивалентно русскому выражению «Рука руку моет, и обе белы бывают»; «Ой тунда керак, ақл кунда керак» (дословный перевод: «Луна по ночам нужна, а ум нужен повседневно») эквивалентно русской пословице «Красота приглядится, ум пригодится»; «Бошингга қилич келса хам, тўғри сўзла» – «Хлеб – соль ешь, а правду режь»; и другие.

Совпадение внутренней формы однотипных фразеологических единиц – вполне возможная ситуация, отражающая общую основу этнических картин мира. Таких фразеологических единиц немало в русском и узбекском языках, например:

Сариқ матбуот – желтая пресса (и в русском, и в узбекском языках данные фразеологических единиц – фразеологические кальки);

Оқ юзли – Белое лицо (красивое).

Максимально совпадают по структуре фразеологические единицы, отражающие международный фразеологический фонд, например:

Дуликий Янус – иккиюзли Янус

Дамоклов меч – Дамокл қиличи

Танталовы муки (муки Тантала) – Тантал азоблари

Ноев ковчег – Нуҳ кемаси

Буриданов осёл – Буридан эшаги

Авгиевы конюшни – Авгий отхоналари

Ариаднина нить – Ариадна ипи

Прокрустово ложе – Прокруст тўшаги

Прометеев огонь – Прометей олови

Ахиллесова пята – Ахилл товони

Лукуллов пир – Лукулл базми

Гордиев узел – Гордий тугуни

Геркулесовы столбы (столпы) – Геркулес устунлари – крайний предел, граница чего-либо; крайность в чем-либо.

Валаамова ослица – Валаам эшаги

Варфоломеевская ночь – Варфоломей кечаси

Пиррова победа – Пирр ғалабаси

Египетская казнь – Египет қатли

Аттическая соль – Аттика тузи

Панургово стадо – Панург подаси

Сизифов труд – Сизиф меҳнати

Эзоповский (Эзопов) язык – Эзоп тили

Каинова печать – Коин тамғаси

Вавилонская блудница – Вавилон бузуқиси

Ящик Пандоры – Пандора қутиси

Колумбово яйцо – Колумб тухуми – Остроумное решение трудной задачи, неожиданно простой и смелый выход из затруднительного положения

Троянский конь – Троя оти

Вавилонское столпотворение – Вавилон оломони – Полная неразбериха, беспорядок, путаница; шум, гам, суматоха.

Яблоко раздора – адоват олмаси

Крокодиловы слезы – шайтон йиги

Кот в мешке – сирли наров

Зеленая улица – очик йўл, тўла имкониат

Зеленый свет – йўл очик

Общий язык – умумий тил

Воздушные замки – пуч хаёллар

Первая скрипка – асосий адам

Ср. также: Ичи (дили, кўнгли, юраги) кора – черная душа, сердце (завистливое). И для русского, и для узбекского языков характерна в целом положительная символика белого цвета и отрицательная – черного. Ср. однако: Оқ билак – белоручка (Белые ручки чужие труды любят). Дословно: белое запястье. При полной объективности анатомического членения в качестве мотивационной базы фразеологических единиц в русском и узбекском языках выбираются разные соматизмы.

Ярко идиоматичной является для русских внутренняя форма фразеологизмов узбекского языка *қора совук* (дословно: черный холод); ср. также *бахти қора* (несчастный, злосчастный); *қора юрак одам* (завистливый человек, зложелатель).

Ср. фразеологическую единицу **сарик чакалик (чақага арзимайдиган)** – ничего не стоящий, дешевый, низкий, включающую прилагательное со значением цвета – желтый. Использование приведенных цветовых прилагательных в несвойственных русскому языку сочетаниях отражает специфические препозиционные смыслы, характерны для узбекского языка, поэтому внутренняя форма приведенных фразеологических единиц является для русского языка алломорфной, идиоматичной.

Многочисленны примеры узбекских фразеологизмов, которым в русском языке соответствуют отдельные лексемы или свободные словосочетания, например:

Аёлманд киши – обремененный семьей мужчина

Бахти қора – несчастный человек (дословно: черное счастье)

Бағри бутун – везунчик, счастливец (дословно: целая душа)

Бели бақувват – богач, толстосум, зажиточный человек (дословно: мощная поясница)

Бетга чопар – наглый человек (дословно: бежит на лицо)

Бети йўқ – наглый человек (дословно: без лица)

Бурни кўвадек – с большим носом (дословно: как кува //сосуд)

Нередко совпадает внутренняя форма фразеологических единиц терминологического характера, например:

железная дорога – темир йўл

личный состав – шахсий таркиб

пассивный сервер – пассив сервери,

местный терминал – махали терминал,

программные файлы – дастурий файллар.

При переводе с одного языка на другой нередко искажается специфика образных компонентов, на которых и держится вся семантика и обобщенная мысль клишированной единицы. Происходит в некоторой степени потеря информации за счёт экспрессивности и образности выражений. Соответствие паремий (по концептуальному содержанию, логике отношений, этической оценке) отнюдь не означает совпадения их внутренней формы, образа, заложенного в основу метафоры, которая обычно является организующим началом семантики паремии, использования тех или иных разрядов лексики при метафорическом переключении. Напротив, подавляющее большинство паремий русского и узбекского языков значительно расходятся, убедительно демонстрируя различие языковых картин мира двух языков.

Например, единство мужа и жены в узбекском языке поэтически реализуется через крылья птицы: Эр-хотин – куш канот, дословно: «Муж-жена – крылья птицы», причем узбекский язык предоставляет для выражения единства мужа и жены способ парной номинации. В узбекской пословице нет и намек на отрицательную ироническую коннотацию русской паремии, связанную с употреблением крайне негативной для христиан лексемы **сатана** (одно из названий дьявола), правда, смягченной употреблением в женском роде (одна сатана). А ведь с этой коннотацией связана пресуппозиция употребления данной паремии в ситуациях, когда супругам приходится покрывать друг друга в сомнительных ситуациях либо закрывать глаза на недостатки друг друга.

В узбекской паремии «Ёмон хотин – жон заволи» заключен чрезвычайно яркий образ, поскольку лексема **жон** является многозначной («душа, дух, человек»), и наличие плохой жены может интерпретироваться как гибель души и жизни.

В семантико-коннотативном плане клишированные единицы двух языков обнаруживают много сходного, но наблюдаются несовпадения на

уровне моделей компонентного и образного содержания. У всех народов имеется общечеловеческое осмысление бытия, которое представляется нам как универсальность «в принципе», а конкретно языковое воплощение этой универсальности у каждой нации чаще своеобразно, что иногда препятствует в достижении сути фразеологии и паремиологии других языков.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.

Русский и узбекский языки являются языками генетически неродственными и типологически контрастными: русский язык относится к славянским языкам (восточнославянским); он является языком флективного (фузионного) типа с детерминантой (ведущей типологической тенденцией структуры данного языка) «максимальное использование многозначных аффиксов», в то же время следует отметить в его строе нарастание явлений аналитизма и частично агглютинации.

Максимально контрастирующими в русском и узбекском языках являются категории рода, одушевленности / неодушевленности, лица-нелица, принадлежности, более четкое грамматикализованное выражение находит в узбекском языке категория детерминативности, по способам выражения тесно связанная с категорией принадлежности.

В области имен прилагательных основной чертой контраста узбекского языка является неизменяемость прилагательных, менее контрастная, чем в русском языке противопоставленность прилагательных и существительных.

Различие в наборе грамматических категорий русского и узбекского языков проецируется на различия в наборе словообразовательных категорий, что также в определенной мере влияет на структуру и семантику фразеологических единиц.

На синтаксическом уровне своеобразие узбекского языка проявляется прежде всего в более строгом порядке слов, наличии изафетных конструкций и практическом отсутствии безличных предложений. Для русского языка характерны вариантность глагольного управления, согласования в числе и роде, многообразие односоставных предложений. Наиболее распространенными в русском языке являются глагольные, субстантивные, адъективные и наречные фразеологизмы,

однако только глагольные и субстантивные фразеологические единицы последовательно выделяются и по структурному, и по функциональному основаниям, т.е. являются изоморфными словосочетаниями. Специфика грамматических систем русского и узбекского языков в полной мере проявляется не только в частеречной и структурной организации фразеологизмов, но и в тонких оттенках их семантики.

Наречные (адвербиальные) и адъективные фразеологические единицы – это неизоморфные словосочетания, соотносимые с наречиями и прилагательными только по функциональному признаку, т.е. по синтаксической функции, по позиции, которую они занимают, будучи включенными в предложение. По нашим наблюдениям, в узбекском языке адвербиальные и наречные фразеологические единицы отсутствуют.

В функционально-семантическом аспекте и в русском, и в узбекском языках важную роль играют отнумеральные фразеологические единицы, однако наличие особого класса нумеральных фразеологических единиц проблематично: только немногие фразеологизмы, включающие имена числительные, сохраняют количественную семантику. Большая часть фразеологизмов, включающих имена числительные, распределяется между глагольными и субстантивными фразеологическими единицами.

По структуре фразеологизмы, имеющие форму словосочетания, делятся на бинарные и многочленные. По нашим наблюдениям, фразеологические единицы узбекского языка чаще имеют многочленную структуру.

Среди пропозициональных фразеологических единиц узбекского языка преобладают единицы, имеющие структуру двусоставного предложения, что полностью соответствует тенденции четкого, расчлененного выражения мысли, характерного для агглютинативных языков.

Можно выделить следующие базовые разряды фразеологических единиц, связанные с жизнедеятельностью человека, его характеристикой в

аспекте трудовой деятельности, интеллектуальными и моральными качествами и т.д.

1. Фразеологические единицы, относящиеся к временным характеристикам, в том числе и к возрасту, например: глубокий старик, .

2. Фразеологические единицы, относящиеся к выражению количественных отношений, меры, степени и т.д.

3. Фразеологические единицы, характеризующие трудовую деятельность человека, его быт, семью, достаток и т.д.

4. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его физических особенностей.

5. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его интеллектуальных особенностей.

6. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его психических особенностей и эмоциональных состояний.

Каждая семантическая группа может быть разбита на множество подгрупп, например, в третьей группе может быть выделена подгруппа «брак, семья», которая в каждом языке представлена множеством фразеологических единиц.

Чрезвычайно существенным в семантическом аспекте является понятие внутренней формы фразеологических единиц – это их внутренний образ, который создается соотносительностью дословного, поверхностного прочтения фразеологической единицы и ее глубинной семантики, базирующейся на определенной пресуппозиции.

Внутренняя форма фразеологических единиц усложнена вследствие того, что семантика типичных фразеологизмов двупланова: она, как правило, включает метафорическое переосмысление поверхностной семантики, представленной лексическими компонентами словосочетания, поэтому лексический состав фразеологических единиц и их словарных дефиниций нередко коренным образом различается.

Пресуппозиция – это в целом лингвистическая компетенция человека, его интеллектуальный и духовный багаж. Это понятие чрезвычайно важно и для понимания фразеологических единиц, и для их семантизации, так как большая часть фразеологизмов (особенно идиомы) содержат намек на определенную пресуппозицию. Без должного уровня пресуппозиции возможно буквальное прочтение фразеологизма, что нередко бывает с детьми, только осваивающими родной язык, или при изучении иностранного языка.

Важно также определение соотношения внутренней формы и мотивированности значения фразеологизма.

ГЛАВА 3. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПАРЕМИЙ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

1. Критерии эквивалентности паремий

При сопоставительном анализе паремий разных языков обычно выделяются три основные группы, отражающие степень совпадения их семантической и структурной близости:

- 1) моноэквивалентные, с полным совпадением формы и содержания;
- 2) аналоги, с приблизительным совпадением содержания;
- 3) Безэквивалентные, т.е. не имеющие ни структурно-семантических эквивалентов, ни аналогов в сопоставляемом языке.

В первую группу входят устойчивые сочетания, пословичные изречения, полностью совпадающие в семантическом и лексико-грамматическом плане и не представляющие для обучающихся больших трудностей в освоении. Так, в обоих языках есть близкие по содержанию единицы: например, следующим русским пословицам соответствуют чрезвычайно близкие по содержанию эквиваленты узбекских паремий.

В.Г. Гак по отношению к содержательной стороне фразеологизмов выделяет «два типа межъязыковых расхождений: а) в одном из языков могут быть фразеологические единицы, значения которых в другом языке не представлены... б) некое значение представлено в семантической системе обоих языков, но в одном из них оно выражается лексически, одним словом, в другом – фразеологически... в) сходные по внешней форме фразеологические единицы могут расходиться по внешней образности...»¹.

---

¹ Гак 1977, с. 202-203 Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1977. – 320 с.

Однако степень эквивалентности фразеологических единиц определяется и контрастами в грамматических системах разных языков, и спецификой языковой картины мира, которая складывается в течение веков в соответствии с историческим процессом становления данной нации и несет в себе отпечатки историко-культурных, географических и других экстралингвистических факторов, в то же время она в значительной мере зависит от типа языка. «В собственно языковом плане языковая картина мира обеспечивается взаимодействием всех ярусов языка, однако особую роль в этом играют лексический и фразеологический ярусы. Своеобразие сравниваемых языков проявляется в том, что фразеологические единицы, отражающие сходные понятия, соотносятся с разными символическими стереотипами (например, в русском языке **с царем в голове, без царя в голове, мякинная голова** – в узбекском **мияси жойида, мияси ишлайди, акли расо, акли салим**)»¹.

В пословицах и поговорках всех народов много общего и в том, что они превозносят, и в том, что они порицают, при этом речь не идет о заимствовании. Фразеологизмы рассматриваются как структурно-моделируемые единицы, обладающие семантическим фоном, который представляет собой культурно-языковое явление, совокупность всех относимых к фразеологическим единицам сведений, имеющих в массовом обыденном сознании носителей языка. При общности логического строя (структуры) мышления мыслительная деятельность на базе конкретных языков (казахского агглютинативного и русского флективного) порождает определенные различия во внутренней организации мысли, что сказывается, в частности, на структуре и семантике глагольных фразеологизмов.

---

¹ Халикова М.К. Фразеология как форма отражения национального менталитета в языковой картине мира (на материале русского и узбекского языков).: Автореф. дисс... канд. филолог. наук – Ташкент, 1999. – С. 22.

Фразеологические единицы рассматриваются также как формы и способы существования языкового сознания (модели сознания). Общие культурологические константы наполняются разным содержанием в рамках этнических картин мира.

Содержание фразеологической единицей – «пересечение двух составляющих: исторической наполняемости фразеологизма и современного понимания его образа. Первый компонент хранит информацию о былых предметах, объектах, явлениях, а второй представляет актуальное зачастую ошибочное мнение насчет образа фразеологизма. В этой связи, историческая мотивация семантики фразеологизма вскрывает, как правило, изначальный образ как способ организации целостного значения фразеологизма, а синхронная мотивация носит по существу характер разъяснения особенностей значения и употребления фразеологизма, помогает выяснить правильную форму записи заголовочных единиц, их толкование, сочетаемость, прагматическую, стилистическую характеристики. Отсюда возникает множественность мотиваций значения одного и того же образа, поскольку вскрытие этимона фразеологической единицы сопряжено с субъективным фактором исследования этой области»¹.

Различие переводов фразеологизмов и паремиологических единиц кроется в различиях системы образов и ценности фразеологических единиц каждого народа, в индивидуально-авторской трактовке произведения.

Языковая картина мира определяется разными лингвистами по-разному, в зависимости от акцента на общеязыковую или идиоэтническую составляющую картины мира. Например, В.Н.Телия так определяет языковую картину мира: «Это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате

---

¹ Василенко А. П. Аспекты семантики фразеологизмов(на материале русского и французского языков). Автореф. дисс... докт. филолог. Орел, 2011. – С. 11.

взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникаций»¹. Это определение нацелено на выявление взаимодействия действительности, мышления и языка для любого этноса и любого языка при формировании языковой картины мира, на общечеловеческую основу языковой картины мира. Падучева, очевидно, в соответствии с со сходными теоретическими установками, рассматривает область когнитивного как глубинное, надъязыковое². Нам ближе та теория концептов, которая рассматривает их как сгустки национально-культурных смыслов, «ячейки культуры» (Ю.Д. Степанов). Этому соответствует, на наш взгляд, теория прототипов, теория естественных языковых категорий³.

По мнению Масловой, способы концептуализации мира, свойственные языку, отчасти универсальны, отчасти национально специфичны⁴. И теоретические исследования, и изучение частных языковых картин мира все более убедительно подтверждают, что языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности⁵. Это определение может быть уточнено в следующем аспекте: языковая картина мира – это не совокупность, а определенная система представлений о мире, поскольку гумбольдтовская идея антропоцентричности языка не отвергает, а делает полнокровной идею языка как системно-структурного образования. По сути современная научная полемика по преобладанию универсального и национально-специфического в языковой картине мира продолжает исследования XIX – первой половины XX вв. Как справедливо

---

¹ Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 179

² Падучева 2004, с. 16

³ Лакофф 1988; Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 272 с.

⁴ Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Избранные труды. – М.: Языки славянских культур, 2009. – Т. I: Парадигматика. – 568 с.

подчеркивает В.П. Даниленко, в учении Гумбольдта «гармонично уживаются две тенденции – универсалологическая и идиоэтническая. Они фигурируют и у Э. Сепира, хотя у него, в отличие от В. Гумбольдта, последняя из указанных тенденций со временем чуть ли не полностью вытеснила первую. Идиоэтизм со временем настолько возобладали у Э. Сепира над универсалологизмом, что, в конечном счете, он и составил методологическую основу для гипотезы лингвистической относительности»¹. По нашему мнению, проблема непосредственного воздействия цвета на внутреннюю, психическую жизнь человека в основном относится к универсалологической составляющей языковой картины мира этнических языков, а проблема символизации цвета – к идиоэтнической составляющей.

Именно специфическое, контрастное для разных языков мира выявляет в своих исследованиях Уорф Б., не даром у него зарождается идея необходимости, наряду со сравнительным языкознанием, «противопоставительного» языкознания, т.е. контрастивной лингвистики².

Сепир Э. дает по сути общую формулу лингвистической относительности: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш мир при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества»³.

По мнению В.П. Даниленко, «ошибочность авторов гипотезы лингвистической относительности состояла не в том, что они выдвинули полностью неверный лозунг о руководящей роли языка в познании, а в том, что они эту роль явно преувеличивали. Это выразилось в том, что язык они превратили в некий котел, в котором только и может

---

¹ Даниленко 2000, с. 3-4

² Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 261.

перевариваться интеллектуальная пища. Но все дело в том, что она может перевариваться и за пределами языка»¹.

Последнее утверждение Даниленко В.П., на наш взгляд, нуждается в уточнении. Действительно, еще В. фон Гумбольдт настаивал на существовании дословесных, не оформленных еще через языковую форму понятий, но оформление мысли, передача мысли возможны только через языковую форму, причем это касается и всех отраслей наук, всех формализованных языков отдельных отраслей знания. Можно согласиться с фундаментальным положением самого известного неогумбольдтианца, Вайсгербера Л.: «Возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передается всем членам данного языкового сообщества»².

По словам знаменитого философа Лосева А.Ф. «слово и, в частности, имя, есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения»³. Значит, нечто, получившее свою номинацию, особенно в предшествующие этапы развития языка, есть познанное, отражающее исторический опыт человечества, могущее служить для говорящего на этом языке ориентиром в окружающем мире.

С проблемой эквивалентности паремий связаны две их существенные характеристики: степень идиоматичности и специфика внутренней формы.

Внутренняя форма фразеологических единиц усложнена вследствие того, что семантика типичных фразеологических единиц двупланова: она, как правило, включает метафорическое переосмысление поверхностной семантики, представленной лексическими компонентами словосочетания, поэтому лексический состав фразеологических единиц и их словарных дефиниций нередко коренным образом различаются, например: **заячья**

---

¹ Даниленко 1999, с. 175

душа – робкий, трусливый человек. Для правильного понимания этой фразеологической единицы необходима пресуппозиция – знания о том, что в русском языке заяц считается символом трусости (а быстроты движений, хитрости, способности к маскировке, что было бы вполне обоснованно). Поэтому вряд ли китаец правильно поймет русские выражения **ослиное упрямство, упрямый как осел**: для китайцев осел – символ трудолюбия и терпения (что справедливо).

Итак, внутренняя форма фразеологических единиц – это их внутренний образ, который создается соотносительностью дословного, поверхностного прочтения фразеологической единицы и ее глубинной семантики, базирующейся на определенной пресуппозиции. Чем более «закрытой», немотивированной является внутренняя форма, тем более она идиоматична. Чем более прозрачной, ясной, мотивированной, объяснимой является внутренняя форма, тем ниже степень идиоматичности паремии. Понятно, что эквивалентность возможна для фразеологических единиц с прозрачной, понятной внутренней формой.

Следует различать семантическую, лексическую и структурную эквивалентность. Совпадение всех трех видов эквивалентности – крайне редкий случай, например, **Аввал ўйла, кейин сўйла – Сначала думай, потом говори.**

Узбекское изречение **Икки кемага оёқ кўйсанг, чўкиб ўласан** (дословный перевод: «Ступишь ногами на две лодки – утонешь») эквивалентно русской пословице **«За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»**. Общий смысл этих изречений: «Нельзя браться одновременно за несколько дел; кто преследует несколько целей, в результате не одной не достигнет». При образном различии данные единицы тождественны семантически и, частично, структурно, однако по лексическому наполнению параллелизм отсутствует. Эти единицы можно рассматривать как семантические аналоги.

Узбекская поговорка **Етти ёшгача бола ердан калтак ейди** (До семи лет ребёнок получает побои от земли) является безэквивалентной по отношению к русскому языку, так как не имеет ни структурно-семантических эквивалентов, ни аналогов.

Различие между набором и содержанием фразеологических единиц у двух народов обусловлено психолингвистическими факторами, а различие между оригиналом фразеологической единицы и ее переводом – индивидуально-авторским мастерством и пониманием произведения переводчиком. Фразеологизмы, будучи эстетически релевантными для индивидуально-художественной системы писателя, выступают в его произведениях одновременно как элементы формы и содержания. Но если к народным фразеологизмам зачастую еще можно подобрать эквивалент, то к индивидуально-авторским это сделать гораздо сложнее.

2. Уровень знаний и умений студентов 1 курса по сопоставительной фразеологии «Эквивалентность поговорок русского и узбекского языков» (констатирующий эксперимент)

Наиболее благоприятные условия для развития образной и выразительной речи студентов создаются в процессе работы над поговорками, так как изучение поговорок каждого народа обогащает не только языковой опыт, но и духовный мир человека. При этом сопоставление фразеологических единиц способствует глубокому постижению их семантики, что создаёт предпосылки для активного введения усвоенных выражений в собственную речь. Это особо значимо в процессе обучения узбекскому и русскому языкам студентов.

Практика обучения всё ещё остро нуждается в конкретных рекомендациях по введению поговорок в речь студентов. Недостаточно методических работ по сопоставительному анализу фразеологизмов,

пословиц и поговорок в виде систем упражнений, способствующих обогащению речи. Такие упражнения должны быть основаны на положениях лингводидактики о единой лексико-фразеологической системе каждого из языков и о необходимости изучения русской и узбекской фразеологии и паремии в трёх аспектах: системном, функциональном и сопоставительном.

Теоретическое и практическое знание паремий способствует систематизации знаний студентов о единой лексико-фразеологической системе узбекского и русского языков, ориентации в выборе необходимых в речи устойчивых выражений. Кроме того, необходимо учитывать, что у обучающихся осуществляется перенос представлений из одного языка в другой. Таким образом, системный подход неразрывно связан с такими аспектами изучения, как функциональный и сопоставительный.

Принцип сопоставительной подачи фразеологических единиц сложен, так как необходимо учитывать характер межъязыковой интерференции на уровне семантики, структуры, грамматической природы фразеологизмов, пословиц и поговорок, их стилистической функции.

Мы считаем, что сопоставление именных фразеологических единиц двух неродственных языков представляет определённый методический и научный интерес.

Сопоставительная подача фразеологических и паремиологических единиц, их анализ и толкование повысят интерес учащихся к овладению материалом, так как через призму родного языка и родной культуры они постоянно постигают культуру носителей неродного языка. В зеркале сопоставления могут быть видны сходства и различия узбекских и русских именных фразеологических единиц, возможные эквиваленты и аналогии двух языков. Такое сопоставление, на наш взгляд, обогатит знания студентов, активизирует их познавательную деятельность.

Для выявления уровня владения студентами фразеологическим богатством русского языка и понимания особенностей трансформации фразеологизмов, нами был проведен констатирующий эксперимент. Эксперимент проводился в ТГПУ им. Низами в группе 102. В нем принимали участие 20 студентов. Констатирующий эксперимент включал четыре задания, оформленные на карточках.

Задание 1.

Дайте дословный перевод узбекских паремий, и определить внутреннюю форму узбекских и русских паремий

Хотинсиз уй – богбонсиз бог. – Без хозяйки дом – сирота.

Ёмон хотин – жон заволи. – Злая баба в доме – хуже чёрта в лесу.

Эр-хотин – куш канот – Муж и жена – одна сатана.

Задание 2.

Проведите сопоставительный анализ приведённых ниже русских и узбекских фразеологических единиц; выделите их сходства или различия на семантическом, лексико-грамматическом уровне, на уровне образности и ситуации употребления; придумайте ситуации, в которых можно было бы употребить данные выражения.

Как дважды два – Қозоқнинг тўққиз пулидай, Беш қўлдай; Как две капли – Бир олманинг икки палласидай; Бир мири ҳаён, уч мири зиён – Пользы на пятак, убытку на пятнадцать.

Задание 3.

Определите исходный фразеологизм, который автор использовал для создания каламбура. Как вы думаете, за счет чего в данных выражениях достигается эффект комического?

Работа не сайгак, за бархан не убежит.

Не зная броду - не вытацишь и рыбку из пруда.

Пьеса наделала много шуму: во всех ее действиях стреляли.

Задание 4.

Найдите в тексте фразеологический оборот или выражение, похожее на него. Укажите языковую форму данного фразеологизма. Каково его значение?

"Трагедия Сизифа еще и в том, что работа у него была не сдельная, я бы даже сказал, бесплатная. Но ведь я знаю многих людей, которым поручены отнюдь не сизифовы обязанности и при этом они получают зарплату. Ну, разве нельзя, хотя бы в силу этого, работать подбросовестней". "Известия".

Цель задания №1 – выявить насколько правильно могут студенты дать дословный перевод, определить, совпадает ли внутренняя форма (образная основа) узбекских и русских паремий, за счет чего достигается расхождение внутренних форм приведенных единиц, какой тип эквивалентности наблюдается по отношению к каждой паре паремий

Были получены следующие результаты:

Проверяемые умения	Выполнили задание (%)	Не выполнили задание (%)
дать дословный перевод	67%	33%
определить внутреннюю форму	71%	29%

тип эквивалентности	63%	37%
---------------------	-----	-----

Результаты данного задания позволяют констатировать, что большинство студентов хорошо понимают данную паремию и дают правильный дословный перевод, включая его в контекст. Студенты показали высокий уровень умения находить и тип эквивалентности паремии:

- 1) моноэквивалентные, с полным совпадением формы и содержания;
- 2) аналоги, с приблизительным совпадением содержания;
- 3) Безэквивалентные, т.е. не имеющие ни структурно-семантических эквивалентов, ни аналогов в сопоставляемом языке

Нужно отметить, что студенты были предупреждены о трех видах ошибок: расширение лексического состава фразеологизма, искажение грамматической формы (неправильное употребление предлога) и замена одного из компонентов фразеологизма. Легче всего студенты распознавали расширение состава, т.к. этот вид ошибки заметно изменяет внешнюю форму фразеологического оборота.

Целью задания №2 - провести сопоставительный анализ приведённых ниже русских и узбекских фразеологических единиц; выделить их сходства или различия на семантическом, лексико-грамматическом уровне.

При проведении задания были получены следующие результаты:		
Проверяемые умения	Выполнили задание (%)	Не выполнили задание (%)
сопоставительный анализ приведённых ниже русских и узбекских фразеологических	54%	46%

единиц			
сходства	или	60%	40%
различия	на		
семантическом, лексико- грамматическом уровне			

Основу формирования образности в этой группе фразеологических единиц составляют наиболее типичные явления окружающей действительности, а они, эти явления, представляют общее видение мира, общую языковую образность, которая во многих языках – как родственных, так и неродственных – совпадает.

Практическая работа с данной группой изречений проводится путём дословного перевода, после которого уточняется идиоматическое значение русских единиц. В случае затруднения возможно толкование фразеологических единиц преподавателем или обращение к фразеологическим словарям или словарям пословиц и поговорок

Цель задания №3 - определить умение находить исходный фразеологизм, посмотреть навыки лингвистического анализа текста.

При проведении задания были получены следующие результаты:		
Проверяемые умения	Выполнили задание (%)	Не выполнили задание (%)
Определять исходную ФЕ	82%	18%
Определять средства достижения комического эффекта	55%	45%

Большинство студентов смогли определить исходные выражения. Менее активно студенты выявляли средства, с помощью которых достигался эффект комического. Многие студенты смогли определить, когда эффект комического образуется за счет изменения формы фразеологизма (в первом случае комический эффект создается путем замены традиционных русских слов иноязычными, а во втором – при помощи объединения двух пословиц). Затруднения возникли в случае, когда эффект комического достигался за счет употребления фразеологизма в качестве свободного сочетания слов.

Целью задания №4 было определение умения находить трансформированный фразеологизм, видеть «осколки» ФЕ в тексте, определять лексическое значение фразеологизма.

При проведении задания были получены следующие результаты:		
Проверяемые умения	Выполнили задание (%)	Не выполнили задание (%)
Находить трансформированную ФЕ в тексте	36%	64%
Определять исходную ФЕ	18%	72%
Определять ЛЗ фразеологизма	22%	78%

Большинство студентов смогли определить присутствие фразеологизма в тексте и выделили выражение сизифовы обязанности. Однако не все смогли ответить, как выглядит исходная фразеологическая единица и пояснить, какое значение она имеет. Студенты толковали лексическое значение фразеологизма, как напрасный труд, тяжелый труд.

Было дано неправильное толкование данного выражения – неоплачиваемая работа. Это связано с тем, что данное выражение не входит в активный словарный запас студентов, а также с непониманием лексического значения фразеологизма. Итоги данного задания подтверждают результаты анализа учебной литературы, в которой, как мы выяснили, практически отсутствует информация об авторских преобразованиях фразеологизмов.

Анализируя результаты констатирующего эксперимента, можно сделать следующие выводы:

1. Общий уровень фразеологической грамотности студентов является достаточно низким. Студенты редко используют фразеологические обороты в устной и письменной речи.
2. Большинство студентов сумели распознать структурную трансформацию фразеологизмов, но лишь немногие определили трансформацию семантическую.
3. Многие студенты узнают трансформированный фразеологический оборот в контексте, однако не всегда умеют находить исходный фразеологизм.
4. Если студенты понимают лексическое значение фразеологизма, они легко подбирают к нему синонимы и включают в контекст. Синонимы, однако, являются однотипными, что связано с бедностью фразеологического запаса.
5. Студенты испытывают затруднения при работе с трансформированными фразеологизмами, плохо понимают цели авторских преобразований фразеологических единиц, что говорит о слабом владении лингвистическим анализом текста, незнании роли фразеологических оборотов в тексте, неумении определять художественный замысел.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.

Преподавание фразеологии в средней школе составляет значительные трудности в следствии идеоматичности большинства фразеологизмов, специфики их внутренней формы в разных языках. Особенно сложным является адекватное усвоение паремий русского языка в узбекской школе и соответственно паремий узбекского языка в русской школе.

Соответствие паремий (по концептуальному содержанию, логике отношений, этической оценке) отнюдь не означает совпадения их внутренней формы, образа, заложенного в основу метафоры, которая обычно является организующим началом семантики паремии, использования тех или иных разрядов лексики при метафорическом переключении. Напротив, подавляющее большинство паремий русского и узбекского языков значительно расходятся, убедительно демонстрируя различие языковых картин мира двух языков.

При переводе с одного языка на другой нередко искажается специфика образных компонентов, на которых и держится вся семантика и обобщенная мысль клишированной единицы. Происходит в некоторой степени потеря информации за счёт экспрессивности и образности выражений.

По нашим наблюдениям, полная эквивалентность паремий, по крайней мере, по отношению к неродственным разносистемным языкам, встречается крайне редко.

Констатирующий эксперимент показал, что сопоставительная подача фразеологических и паремиологических единиц, их анализ и толкование повысят интерес учащихся к овладению материалом, так как через призму родного языка и родной культуры они постоянно постигают культуру носителей неродного языка. В зеркале сопоставления могут быть видны сходства и различия узбекских и русских именных

фразеологических единиц, возможные эквиваленты и аналогии двух языков. Такое сопоставление, на наш взгляд, обогатит знания студентов, активизирует их познавательную деятельность.

Для полноценного усвоения паремий чужого языка необходимо сочетание дословного перевода и привлечения паремий родного языка, а также работа с синонимическими и фразеологическими учебными словарями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С нашей точки зрения, фразеология, бесспорно, должна выделяться как языковой уровень, поскольку фразеологизм по структуре, семантике и функционированию сочетает признаки словосочетания и лексемы, но не сводится ни к одной из этих единиц.

На периферии фразеологических систем могут рассматриваться и пропозициональные устойчивые единицы, в том числе и паремии.

Русский и узбекский языки являются языками генетически неродственными и типологически контрастными: русский язык относится к славянским языкам (восточнославянским); он является языком флективного (фузионного) типа с детерминантой (ведущей типологической тенденцией структуры данного языка) «максимальное использование многозначных аффиксов», в то же время следует отметить в его строе нарастание явлений аналитизма и частично агглютинации.

На синтаксическом уровне своеобразие узбекского языка проявляется прежде всего в более строгом порядке слов, наличии изафетных конструкций и практическом отсутствии безличных предложений. Для русского языка характерны вариантность глагольного управления, согласования в числе и роде, многообразие односоставных предложений.

Фразеологический ярус русского и узбекского языков отражает как специфику грамматической системы каждого языка, так и специфику языковых картин мира.

Это находит свое проявление в следующем:

1. Частеречная классификация фразеологизмов. В русском и узбекском языках относительно изоморфными являются следующие классы фразеологических единиц: субстантивные, глагольные, междоименные.

2. По отношению к именным фразеологизмам характерно наличие фразеологических единиц как изоморфных, так и алломорфных структур. Наиболее распространенными в русском языке являются глагольные, субстантивные, адъективные и наречные фразеологизмы, однако только глагольные и субстантивные фразеологические единицы последовательно выделяются и по структурному, и по функциональному основаниям, т.е. являются изоморфными словосочетаниями.

Наречные (адвербиальные) и адъективные фразеологические единицы – это неизоморфные («проблемные») фразеологические единицы, соотносимые с наречиями и прилагательными только по функциональному признаку, т.е. по синтаксической функции, по позиции, которую они занимают, будучи включенными в предложение. По нашим наблюдениям, в узбекском языке адвербиальные и наречные фразеологические единицы отсутствуют.

В функционально-семантическом аспекте и в русском, и в узбекском языках важную роль играют отнумеральные фразеологические единицы, однако наличие особого класса нумеральных фразеологизмов проблематично: только немногие фразеологические единицы, включающие имена числительные, сохраняют количественную семантику.

Большая часть фразеологизмов, включающих имена числительные, распределяется между глагольными и субстантивными фразеологическими единицами.

По структуре фразеологизмы, имеющие форму словосочетания, делятся на бинарные и многочленные. По нашим наблюдениям, фразеологические единицы узбекского языка чаще имеют многочленную структуру.

3. Совпадение структуры и даже дословного перевода не всегда гарантирует идентичность фразеологической единицы в сопоставляемых языках, так как фразеологические единицы русского и узбекского языков могут существенно отличаться по внутренней форме.

Отсутствие эквивалентов фразеологических единиц может наблюдаться как по отношению к узбекскому, так и к русскому языку. Более того, по нашим наблюдениям, именно в узбекском языке содержится большое количество безэквивалентных, идиоматичных по семантике фразеологизмов.

Однако общее членение фразеологического фонда сопоставляемых языков изоморфно: можно выделить следующие базовые разряды фразеологических единиц, связанные с жизнедеятельностью человека, его характеристикой в аспекте трудовой деятельности, интеллектуальными и моральными качествами и т.д.

1. Фразеологические единицы, относящиеся к временным характеристикам.

2. Фразеологические единицы, относящиеся к выражению количественных отношений, меры, степени и т.д.

3. Фразеологические единицы, характеризующие трудовую деятельность человека, его быт, достаток и т.д.

4. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его физических особенностей.

5. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его интеллектуальных особенностей.

6. Фразеологические единицы, характеризующие человека со стороны его психических особенностей и эмоциональных состояний.

Степень эквивалентности фразеологических единиц определяется и контрастами в грамматических системах разных языков, и спецификой картины мира, которая складывается в течение веков в соответствии с историческим процессом становления данной нации и несет в себе отпечатки историко-культурных, географических и других экстралингвистических факторов, в то же время она в значительной мере зависит от типа языка.

В ходе исследования подтверждена рабочая гипотеза диссертации: фразеологический ярус в узбекском и русском языках отражает как общечеловеческие ценности, так и сложившуюся в течение веков своеобразную языковую картину мира. Именные фразеологизмы являются существенной частью этнических языковых картин мира, однако их структурно-семантическая организация отражает не только специфику языковой картины мира, но и особенности частеречной организации и грамматических категорий двух языков. Грамматические особенности фразеологизмов в каждом этническом языке играют существенную роль в передаче семантики и национального своеобразия фразеологических единиц.

Семантическая классификация именных фразеологических единиц русского и узбекского языков в целом совпадает по самым основным рубрикам, связанным с характеристикой человека, однако узбекские и русские фразеологизмы, как правило, существенно различаются по представлению внутренней формы фразеологизма.

Внутренняя форма фразеологизмов близкой тематики крайне редко совпадает в разносистемных языках, в том числе в узбекском и русском; можно даже утверждать, что в деталях совпадение внутренней формы однотипных фразеологизмов невозможно из-за различия в грамматическом оформлении, вследствие чего полная эквивалентность фразеологических единиц практически невозможна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАКОНЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

1. Закон Республики Узбекистан «О народном образовании» // Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. – Ташкент: Узбекистан, 1997.
2. Национальная программа по подготовке кадров// Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. – Ташкент: Узбекистан, 1997.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И ЗАКОНЫ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ

3. Постановление Президента Республики Узбекистан «О государственной программе «Год гармонично развитого поколения»// «Учитель Узбекистана» от 29 января 2010 г. №5(2088).
4. Постановление Президента республики Узбекистан « О мерах изучения иностранного языка» от 10 декабря 2012 г.

ТРУДЫ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

И.А.КАРИМОВА

5. Каримов И.А. Высоккоквалифицированные специалисты – стимул прогресса. – Ташкент: Узбекистан, 1995.
6. Каримов И.А. Гармонично развитое поколение – основа прогресса //Собр. соч. в 10 т. – Ташкент: Узбекистан, 1998.
7. Каримов И.А. Модернизация страны и построение сильного гражданского общества – наш главный приоритет. Доклад Президента Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – Ташкент: «Народное слово», 28 января 2010г.

8. Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. – Ташкент, 2000.
9. Каримов И.А. Наша главная задача – дальнейшее развитие страны и повышение благосостояния народа. – Ташкент: «Народное слово», 30 января 2010г.
10. Каримов И.А. На пути духовного возрождения. – Ташкент: Узбекистан, 1998. – 431 с.
11. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Ташкент: Узбекистан, – 1997.
12. Каримов И.А. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Тошкент: Маънавият, 2008. – 176 с.
13. Каримов И.А. «Узбекистан в преддверии обретения независимости» Т.: Узбекистон. 2011 г.
14. Каримов И.А. «2012 йил Ватанимиз тараққиёти янги цил булади».- Т. Узбекистон. 2012 й.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

15. Абаскулиев Т. Английские пословицы и их азербайджанские и русские эквиваленты. – Баку: Элм, 1981. – 211 с.
16. Абдуазизов А.А. Тилшуносликка кириш. – 2-қисм. Лексикология ва семасиология. Грамматика. – Ташкент: Ўқитувчи. 1995. – 57 б.
17. Абдуазизов А.А., Зализняк А.М., Шереметьева А.Г. Общее языкознание. Уч. пособие для филологических факультетов. – Ташкент: НУУз, 2012. – 178 с.
18. Абдурахманова А. К. Способы номинации лиц как отражение языковой картины мира в узбекском и русском языках. – Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ташкент, 2007. – 24 с.

19. Абиходжаева У.С. Национально-прагматический аспект при переводе фразеологических единиц: Автореф. дисс... канд. филолог. наук – Ташкент, 2002. – 23 с.
20. Азизов А.А. Сопоставительная морфология русского и узбекского языков. – Ташкент: Укитувчи, 1983. – 240 с.
21. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: Элпис, 2008. – 271 с.
22. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Избранные труды. – М.: Языки славянских культур, 2009. – Т. I: Парадигматика. – 568 с.
23. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1964. – 315 с.
24. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – М. –Л.: Наука, 1970. – 269 с. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета. – № 25 (240). – Челябинск, 2011. – С. 24.
25. Бакиров П.У. Семантика и структура номинацентрических пословиц (на материале русского, узбекского и казахского языков). – Ташкент: Фан, 2006. – 297 с.
26. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
27. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.
28. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М.: Наука, 1979. – 274 с.
29. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1983. – 267 с.
30. Бушуй А.М. Лексикографическая и библиографическая репрезентация фразеологии: Автореф. дисс... докт. филол. наук. – Л., 1983. – 32 с.

31. Бушуй Т.А. Фразеографирование в контрастивном лексическом словаре методом гнездообразования // Филологические науки. – Тамбов: Грамота, 2010. - № 2 (6). – С. 25-28.
32. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. - М.: Языки русской культуры, 2001. – 272 с.
33. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
34. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 118-161.
35. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Наука, 1986. – 640 с.
36. Гаврин С.Г. О принципах грамматической классификации фразеологизмов // Труды Пермского гос. пединститута. – Вып. 34. – Пермь: ПГПИ, 1966. – С. 9-48.
37. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1977. – 320 с.
38. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
39. Гумбольдт В. фон. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1984. – 467 с.
40. Гусейнов Ф.Г. Русская фразеология (основные тенденции развития в XIX в). Учебное пособие. – Баку: Агу, 1977. – 119 с.
41. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Ростов-наДону: РГУ, 1979. – 190 с.
42. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М.: Высшая школа, 1982. – 608 с.
43. Дусабаева А. Аллюзия в составе английской фразеологии // Филология масалалари. Илмий-методик журнал. – Тошкент: ЎДЖТУ, 2009. – С. 31-33.

44. Ефимов А.И. Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 40-х-60-х годов.: Дисс... докт. филолог. наук. – М., 1949. – 132 с.
45. Жуков В.П., Жуков А.В. Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка. – Л.: ЛГУ, 1980. – 97 с.
46. Жуков В.П. Русская фразеология. Учебное пособие для вузов.- М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
47. Жуков В. П. Фразеологизм в его отношении к части речи // Фразеологизмы в системе языковых уровней. – Л.: Наука, 1986. – С. 5-24.
48. Жураев Э. Х. Норма во фразеологии и ее кодификация в словарях: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ташкент, 1991. – 18 с.
49. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М.: РАН, 2000.– С. 191-2006.
50. Каримова Б.А. Паремийная единица в словарном ракурсе (на материале толковых словарей русского и английского языков): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ташкент, 2003. – 21 с.
51. Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М. 1996. – 24 с.
52. Кононов А.Н. Грамматика современного литературного узбекского языка. – М.-Л.: Наука, 1960. – 446 с.
53. Копыленко М.М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка). – Воронеж: ВГУ, 1989. – 191 с.
54. Корнилов О.А. Языковая картина мира как отражение национальных менталитетов.: Автореф. дисс ...докт. филол.. наук. – М., 2000. – 46 с.
55. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

56. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
57. Лебединская В. А. Взаимодействие семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов: Автореф. дисс... докт. филол. наук. – Орел, 1996. – 40 с.
58. Малиновский Е.А. История изучения проблем фразеологии в русском языкознании. – Ташкент: Фан, 1991. – 92 с.
59. Мелерович А.М. О характере взаимодействия лексической и грамматической семантики в сфере фразеологии // Проблемы семантики русского языка. Межвузовск. сб. научн. тр. – Ярославль: 1986. – С. 31-40.
60. Мелерович А.М. Соотношение фразеологических моделей с когнитивными структурами в системе языка и речи // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе. – М.: Элпис, 2008. – С. 29-34.
61. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ, 2008. – 484 с.
62. Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя русского языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – с. 52-59.
63. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Просвещение, 1989. – 207 с.
64. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: ЛГУ, 1977. – 283 с.
65. Молотков А.И. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики фразеологических единиц русского языка // Русское языкознание. – Киев: Выща школа, 1985. – Вып. 10. – С. 3-9.
66. Мурзаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1978. – 230 с.

67. Мырзашова А.К. Глагольные фразеологизмы мыслительной деятельности в казахском и русском языках.: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Алматы, 2000. – 27 с.
68. Ожегов С.И. Лексикология, лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974. – 252 с.
69. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: РАН, 2003. – 511 с.
70. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
71. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецких и русских фразеологизмов. – М.: Высшая школа, 1980. – 140 с.
72. Распопов И.И., Ломов А.М. Основы русской грамматики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 351 с.
73. Рахматуллаев Ш. Некоторые вопросы узбекской фразеологии (фразеологическая синонимия): Тез.докл. / Ташк. ун-т. Гум.науки. Ташкент, 1968, с.267-269
74. Рахматуллаев Ш. О преобразовании грамматического строения у именных фразеологических единиц. Науч.тр. /Ташк. ун-т. Языкознание. - Ташкент, 1962, вып.211, с.225-230.
75. Рахматуллаев Ш. Феъл фразеологик бирликлар грамматик курилишининг асосий турлари. Узбек тили масалалари. Илмий асарлар / Урта Осиё давлат ун-ти. Янги серия, филология фанлари. - Тошкент, 1957, 104-чикиши, с.120-136-6.
76. Рахматуллаев Ш. Феъл фразеологик бирликларда мослашув. Тилшунослик масалалари. Илмий асарлар / ТошГУ.- Тошкент, 1964, с. 144-164-6.
77. Рахматуллаев Ш. Фразеологик синонимия курсатки-чи. Узбек филологияси масалалари. Илмий асарлар / ТошГУ.- Тошкент: Фан, 1968, 71-93-6

78. Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. – С. 52-75.
79. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. Учебное пособие. – Самарканд: СамГУ, 1977. – 120 с.
80. Семенкова Р.В. Формообразование фразеологических единиц в современном русском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1972. – 20 с.
81. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 356 с.
82. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. – Л.: Наука, 1982. – 107 с.
83. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 211 с.
84. Тагиев М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка. – Баку: АГУ, 1966. – 251 с.
85. Телия В.Н. Фразеология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 456-515.
86. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
87. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 228 с.
88. Тихонов А.Н. Фразеология // Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология / Под ред. Л.А.Новикова. – М.: Русский язык, 1987. – С. 115-136.
89. Ўзбек тили лексикологияси. – Тошкент: Фан, 1981. – 219 б.
90. Ўзбек тили грамматикаси. Т. Ш. –Морфология. – Т.: ФАН, 1975. – 610 с.

91. Умарходжаев М.И. Основы фразеологии. – Ташкент: Фан, 1983. – 103 с.
92. Хайитов Б.Т. Фразеологические единицы русского языка в двуязычном словаре (нормативно-стилистический аспект): Автореф. дисс... канд. филол. наук – М., 1987. – 26 с.
93. Хайрулина Р.Х. Картина мира во фразеологии: Автореф. дисс... докт. филолог. наук – М., 1997. – 40 с.
94. Халикова М.К. Фразеология как форма отражения национального менталитета в языковой картине мира (на материале русского и узбекского языков): Автореф. дисс... канд. филолог. наук – Ташкент, 1999. – 26 с.
95. Ҳозирги ўзбек адабий тили. - I қисм. Морфология. – Т.: Ўқитувчи, 1980. – 448 б.
96. Хуснутдинов А. А. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики фразеологических единиц русского языка.: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 17 с.
97. Хуснутдинов А. А. Грамматика фразеологической единицы.: Автореф. дисс... докт. филол. наук. – СПб., 1996. – 32 с.
98. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч. II. Словообразование. Морфология. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
99. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 230 с.
100. Шварцкопф Б. С. Словарь русской фразеологии и его нормативно-грамматический план // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 89-90.
101. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
102. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265-303.

103. Эмирова Э.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан, 1988. – 92 с.
104. Юсупов У. К. Проблемы сопоставительной лингвистики. –Ташкент: ФАН, 1980. – 135 с.
105. Ярцева В.Н. Контрастивная лингвистика. – М.: Наука, 1981. – 111 с.
106. Абдурахимов М. Узбекско-русский словарь афоризмов. – Ташкент: Укитувчи, 1976. – 216 с.
107. Абдурахимов М. Краткий узбекско-русский фразеологический словарь. – Ташкент, 1980.
108. Аликулов Т. Русско-узбекский словарь. – Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. – 303 с.
109. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Элпис, 2008.
110. Аристова Т.С. и др. Образные выражения русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – М.: , 1995.
111. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Наука, 1969. – 780 с.
112. Бирих А.К. и др. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / Под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
113. Большой толковый словарь современного русского языка / Глав. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
114. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение, употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Аст-Пресс Книга, 2006. – 784 с.
115. Быстрова Е. А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь русского языка. – Л. : , 1984. – 270 с.

116. Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 440 с.
117. Киселев И. А. Фразеологический словарь русского языка. – Минск, 1985. – 128 с.
118. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: РАН, 1996. – 246 с. Лингвистический энциклопедический словарь (электронная версия). – М.:
119. Большая российская энциклопедия, 2008. – 5945 с.
120. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 863 с.
121. Ожегов С.И. Словарь русского языка /около 57000 слов/, изд. 18, стереотипное – М.: Русский язык, 1990. – 797с.
122. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. – 944 с.
123. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 60000 слов и фразеологических выражений. – М.: Оникс, 2007. – 1328 с.
124. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг фразеологик луғати. – Тошкент: Комус Бош тахририяти, 1992. – 380 с.
125. Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. доп. и перераб. М., 1998. 703 с
126. Садыкова М.А. Русско-узбекский фразеологический словарь. – Ташкент: Фан, 1972. – 192 с.
127. Словарь русского языка в 4-х томах / Глав. ред. А.П. Евгеньева и др., изд. 3, стереотипное. – Москва: Русский язык, 1985-1988. – Т. I. – 296 с. Т. II – 736 с. Т. III – 750 с. Т. IV – 796 с
128. Толковый словарь узбекского языка // Под. ред. Магруфова З.М. – Ташкент: Глав. ред. Узбекской энциклопедии, 1998. – 766 с.
129. Узбекско-русский словарь / Под. ред. Акобиров С. Ф. И Михайлова Г. Н. – Ташкент: Глав. ред. Узбекской энциклопедии, 1988. – 726 с.

- 130.** Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 80000 дан ортиқ Сўз ва сўз бирикмаси / Тахрир хайъати: Э. Бегматов, А. Мадвалиев, Н. Махкамов... – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедия, 2006-2008. – 1 қисм – 608 б. 2 қисм – 672 б. 3 қисм – 688 б. 4 қисм – 608 б. 5 қисм – 592 с.
- 131.** Фелицина В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. – М.: , 1990. – 220 с.
- 132.** Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: Словарь. Более 800 выражений. / Под ред. В. П. Фелицыной, В. М. Мокиенко. – М., 1999. – 397 с.
- 133.** Фразеологический словарь / Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Астрель, 2000. – 512 с.
- 134.** Фразеологический словарь русского языка. (Авторский коллектив: проф. Федосов И.В., канд. ф.н. Ляпицкий А.Н.). – М.: ЮНЕС, 2003. – 608 с.
- 135.** Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Высшая школа, 2003. – 386 с.
- 136.** Фразеологический словарь современного русского языка / Под ред. А.Н. Тихонова. В 2-х тт. – М.: Флинта, 2004. http://Bookle.ru/1087918/books_229133/
- 137.** Ҳожиев А. Ўзбек тили синонимларининг изоҳли луғати. –Тошкент: Ўқитувчи, 1974. - 290 б.
- 138.** Шанский Н.М. и др. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1987. – 239 с.
- 139.** Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов / Р.И. Яранцев. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – 894 с.

Интернет ресурсы:

140. Даниленко В. П. <http://www.islu.ru/danilenko/index5.html>
141. Словари русского языка. <http://www.gramota.ru>
142. uzedu.uz
143. ziyonet.uz
144. tdpu.uz